

18+

ИГРА В ИДЕАЛЫ. ТОМ I

Бегство

ИГРА В
ИДЕАЛЫ

МАРИНА ШАПОВАЛОВА

Марина Шаповалова

Игра в идеалы. Том I. Бегство

«Издательские решения»

Шаповалова М.

Игра в идеалы. Том I. Бегство / М. Шаповалова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694768-9

Этот роман погружает читателя в атмосферу неотвратимых потерь и первых болезненно-ярких чувств. Героиня сталкивается с предательством и дружбой, отчаянием и надеждой, внезапно обретая первый смысл жизни — бороться за то, что ещё дорого. Сердце трепещет: всему найдётся место — любви, страху и выбору. Но счастье так же хрупко, как вера в завтрашний день.

ISBN 978-5-00-694768-9

© Шаповалова М.
© Издательские решения

Содержание

Игра в идеалы	6
Бегство	6
29 марта 1770 года. Воскресенье	17
30 марта 1770 года. Понедельник	30
31 марта 1770 года. Вторник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игра в идеалы. Том I Бегство

Марина Шаповалова

© Марина Шаповалова, 2026

ISBN 978-5-0069-4768-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-4769-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра в идеалы Том I

Бегство Лондон, 1771 год.

Меня зовут Дамана Брустер, и когда-то я была человеком... Я хочу поведать свой рассказ.

Я родилась 5 декабря 1753 года в очень богатой, известной и уважаемой семье. Мой отец, граф Джордж Брустер-младший, был чуть ли не лучшим другом короля Эгберта, а мать, графиня Милли Сьюзер, — одной из самых прекрасных дам столицы и ближайших графств.

В детстве я походила на ангела: золотые волосы до плеч, серо-голубые глаза, не была очень стройной, но и полной — тоже. Родители меня любили и баловали. Как любой ребенок, я, добрая и веселая девочка, радовалась жизни. А почему мне не радоваться: забота матери и отца, прекрасное имение, плодородная земля, богатство и роскошь... Вкусом детства я насытилась всей душой. Жила как в сказке! Первые восемь лет — безмятежные и сладкие, как у обычной аристократки...

Но будущее невозможно предугадать. Да и если бы мне заранее рассказали, что случится... Я, наверное, и не поверила бы. А зря.

Когда мне было восемь лет, мой отец умер от страшной болезни. Это случилось 30 мая 1762 года. Вначале много денег ушло на лечение, которое не помогло, затем — на похороны... Платить прислуге стало нечем, и всех пришлось рассчитать. Доходы отцовского семейного предприятия не помогали: все съедали налоги и быт. Мы с мамой продержались два года, но позже пришлось продать наше имение. Выручили не так уж много, купили маленькую квартиру, стали экономить...

Года на два нам хватило бы денег. Но мама не работала. Не могла, хоть и пыталась. Она очень сдала после смерти отца, сходила с ума от горя. И начала пить. Напивалась каждый вечер. Я не раз пыталась ее образумить, но безуспешно. Так мы прожили около полугода.

Однажды вечером мама в очередной раз пропала. Ушла выпить и не возвращалась целый день. В одну мрачную пятницу нашли ее бездыханное тело. Мои самые страшные опасения сбылись. Когда мне сообщили о смерти матери и о том, что мне придется жить в приюте, я подумала: все — моя жизнь кончена.

16 октября 1765 года меня отправили в приют. Я провела там пять лет. И это был сущий ад! Хотя тогда я еще не знала, как это — быть в аду. Жестокие дети постоянно издевались надо мной. Но это лишь закалило меня. Теперь меня никто не посмеет обидеть, я могу постоять за себя.

Вспоминать о приюте больше не хочу. Там я стала жестокой и бесчеловечной и поняла, что смогу выжить во внешнем мире одна. Я решилась на побег! Знала и чувствовала, что не пропаду. Пусть у меня нет друзей, зато в нашей старой квартире под половицей спрятаны деньги, которые остались после смерти матери. На первое время хватит.

С пятнадцати лет я обдумывала план побега. Он не был идеален, но главное — результат. Я смогла улизнуть из приюта. Расскажу, как все было...

В ночь на 28 марта 1770 года я начала собираться. Все спали, кроме двух охранников, но все равно я старалась не шуметь. Тихо сложила вещи и украденные приютские бумаги о себе, открыла окно и спустилась на землю по водосточной трубе.

Тусклая ночь помогла мне: стояла тишина, а холодный туман был настолько густ, что в нескольких шагах ничего не разглядишь. Моросил дождь. Сквозь мрак чуть пробивалась полная луна и немного освещала дорогу.

Зная, что не смогу перебраться через высокую ограду вокруг приюта, я направилась к центральным воротам. Рискованно, но либо это, либо ничего. Я знала точное время, когда охранник обходил территорию корпуса. Затаилась в кустах и стала ждать.

Наконец охранник ушел. Я подбежала к огромным деревянным воротам, и — увы, как я и боялась, — они оказались заперты. Довольно глупо было надеяться на иное.

Я забежала в каморку, где жил охранник. Перерыла ее, но ключей не нашла. И тут я услышала, что кто-то поднимается по лестнице. Без сомнения, охранник. В моей голове сразу же мелькнула мысль, что ключи у него. Я схватила глиняную вазу и спряталась за дверь, встав на стул.

Низенький охранник вошел в каморку, потягиваясь и зевая. Его сладкая борьба со сном, конечно, трогала... Но ради выживания я была готова на все.

Спрыгнув со стула, я со всей силы ударила его вазой по голове. Ну и грохот! Охранник упал, из его головы пошла кровь. Он лежал неподвижно. Только через три дня из газет я узнала, что убила его. Какая досада...

Насчет ключей я не ошиблась: на поясе мужчины висела целая связка, штук двадцать. Схватив ее, я побежала прочь, к громоздким черным воротам. Трясаясь не от страха, а от волнующего возбуждения, стала подбирать ключи. Где-то на шестом из них замок щелкнул, и ворота со скрипом отворились.

Переступая границу между детским адом и свободой, я торжествовала! Так должен чувствовать себя человек, ставший рыцарем. Наконец — долгожданная свобода! Я закрыла ворота снаружи на ключ и побежала к дороге. Рядом было болото, куда я и бросила ключи. Болото без жалости проглотило их, за секунду они скрылись из виду.

Я знала, что меня будут разыскивать, и решила изменить внешность. С одиннадцати лет я не подстригала волосы, и теперь они отросли ниже пояса. Надо бы укоротить их. С невзрачной внешностью я не стану бросаться в глаза. Об этом я думала, когда шла в надежде встретить повозку. Шансов было мало: грунтовая дорога, пять утра...

Около часа быстрого и аккуратного шага; и моя тюрьма осталась далеко позади. Около шести утра я услышала стук копыт. О чудо, это кеб. Он остановился, я села, назвала адрес нашей старой квартиры, и мы тронулись. Интересно: кебмен так странно покосился на меня, услышав, куда мы едем. Почему? Но я вскоре забыла об этом. Мерно стучали копыта, кеб покачивался из стороны в сторону, словно колыбель. Глаза закрывались сами собой, и в конце концов я уснула.

— ...Прибыли, мисс, — низкий, но молодой голос кебмена разбудил меня.

— Который час? — спросила я, протирая глаза.

— Полвосьмого утра, мисс.

— Подождите меня, пожалуйста, я скоро вернусь.

Вот он — столь знакомый дом. Здесь мы с мамой прожили чуть более полугода. Огромной волной нахлынули воспоминания. Я вспомнила первый день в этом доме и то, как ужаснуло меня наше новое жилье.

В доме явно никто не жил, что было мне на руку. За пять лет он очень постарел: разбитые стекла, наполовину снесенная крыша, покрытая плесенью незапертая дверь. Поднимаясь по лестнице, я боялась, что она вот-вот развалится. Меня продолжали терзать воспоминания — о маме, о страшных месяцах, пережитых здесь.

Я с ужасом задумалась, когда шла к нашей квартире: «А вдруг денег тут нет, ведь, как-никак, пять лет прошло? Вдруг их нашли до меня? И что тогда делать?» Но нет, об этом я буду думать потом. Нужно найти эти деньги.

Я слегка повернула ручку двери, и вдруг она с громким треском отвалилась. Я очень испугалась и еле подавила крик, но потом мне даже стало немного смешно. Дверь открылась, заскрипев почти так же, как ворота приюта.

Внутри я увидела, что все наши вещи остались на местах. Всюду лежала пыль, все заросло паутиной, пахло сыростью, затхлым и спертым воздухом. Здесь всегда было неуютно... Однако сейчас, когда я вырвалась из приюта и пришла в эту квартиру с определенной целью, я испытала своего рода тепло. Вещей от нашей с мамой прошлой жизни у нас было совсем немного. Какая-то мелочь... Единственное дорогое, что здесь было, — антикварные высокие часы и мамины платья. Я даже удивилась, что никто это до сих пор не украл.

Перед зеркалом, на комод, стояла мамина шкатулка с косметикой... Подойдя к ней ближе, я сразу же погрузилась в воспоминания о том, как любила играть с мамиными побрякушками. Вспомнила, как это умиляло отца... Я взяла кисточку для подводки бровей. Ах, как грустно! Мне так не хватает тех времен...

Я протерла рукой пыльное зеркало и увидела свое отражение. Лицо бледное, как белая краска. Вместо волны густых золотых волос — тощая грязная косичка. Яркие серо-голубые глаза потускнели, налились кровью; в них отражаются боль, злоба, жестокость и жажда мести. Правда, мстить некому и не за что, но очень хочется испортить кому-нибудь настроение.

Что случилось с моим телом? Я так худа, даже ребра заметно выступают, а руки и ноги просто обтянуты кожей. При росте в 170 сантиметров я теперь вешу не более 50 килограммов. Ужасно! Я никогда не хотела быть тощей, мне необходима стройность, чтобы тело было готово к нагрузкам.

Стоит поработать над внешностью. Но сначала — выспаться и снять где-нибудь комнату. Для этого нужны деньги.

Я положила кисточку на комод и подбежала к заветной половице. Сев на колени, я поковыряла ее. Пыль полетела во все стороны, попала в нос, я два раза чихнула. Засунула руку под пол, нащупала платок с деньгами, достала его и развернула. Все в порядке: деньги здесь. Какая радость! Я мигом вскочила и быстро пересчитала свои запасы. Все деньги до последнего пенни лежали на месте. Завернув их в платок, я решила быстрее идти к выходу.

Но остановили меня очень важные вещи. Я вспомнила, что под этой половицей мама хранила все документы, подтверждающие наши личности. Тогда я думала, что мама прятала их, чтобы не возвращаться к мыслям о смерти мужа и финансовом крахе. Но сейчас я понимаю, что мама эти портреты и документы прятала совсем по другим причинам...

Более глубоко подумать о ее мотивах я не смогла, потому что, засунув руку чуть глубже под половицу, я нащупала другие свертки. Это сразу же меня отвлекло. Я нашла наши портреты: папа, мама, я — вместе или врозь. Я взяла мой любимый, где мы втроем сидели за обеденным столом, такие счастливые.

И я вновь загрустила, на моих глазах почти проступили слезы. Но вместе с грустью ко мне пришла неопишуемая ненависть ко всему живому. Не хватало воздуха, я стала задыхаться от злости. На портрете я счастлива! Я смеюсь, мое милое лицо так и сияет. А что теперь? Теперь я сижу на полу в какой-то обшарпанной квартире, совсем одна! Не имея ни малейшего представления, что ждет меня дальше... Но никаких иллюзий у меня не могло быть! Все перспективы, что раньше лежали у меня в ладонях, несколько лет назад растаяли без следа... Их невозможно вернуть.

Я разозлилась и не стала смотреть остальные документы, картины, портреты. Я все небрежно швырнула обратно под половицу. Держа в руках только сверток с деньгами, опять направилась к выходу.

У двери я остановилась. Радость от найденных денег не заняла мой разум полностью; они даже как-то жгли руку. Я постояла две секунды, обернулась, медленно подошла обратно к половице. Поддев ее, я увидела мой любимый портрет, который недавно держала в руках.

Рывком схватила его и побежала к дверям. До сих пор я не знаю, зачем я его взяла. Может, потому, что в моей черной душе есть светлая сторона? Нет, это вряд ли!

Кеб стоял на том же месте. Сев внутрь, я попросила отвезти меня в какой-нибудь дешевый трактир. Снова застучали копыта лошади, и снова меня стало клонить в сон. Только-только я начала засыпать, как кебмен впереди обратился ко мне:

— Простите, мисс...

— Да, — сонно сказала я, не открывая глаз.

— П-позвольте у вас спросить? — чуть запинаясь, учтиво спросил он.

— Э... Валяйте. — Я немного насторожилась и открыла глаза.

— Что вы искали в этом проклятом доме?

— Ну... — протянула я, удивленная тем, что кебмен проявляет такое любопытство. — Меня многое связывает с этим домом. — Не удержавшись, спросила: — А что?

— Простите. Я немного поражен... Вы и этот дом... Какая связь? — с недоумением спросил он, будто сам у себя.

— А почему это так удивительно?

— Вы не местная, сразу видно. Много легенд ходит про этот дом.

— Расскажите, — проговорила я неуверенно.

— О-о-о, это одна из любимых историй города! — начал кебмен. — В 1764 году, — у меня замерло сердце, — в этот дом переехала одна молодая леди с дочерью. Рассказывали, что они были довольно богатые, но потом муж леди умер, и все пошло под откос. Переехав сюда, мать стала пить. Денег им не хватало. Девочке доставалось от матери, та часто ее избивала, кричала, заставляла работать вместо себя. Хотя девочка была просто прелесть: умная, красивая, отзывчивая. Они прожили здесь недолго, где-то с полгода. Как-то раз ночью мать страшно напилась, опять закатила скандал, и дочь посмела ей довольно дерзко возразить. Леди пришла в ярость. Она схватила трость и стала избивать девочку до тех пор, пока та не упала без чувств. А мать опять ушла в самый ближний дрянной паб. В ту ночь шел ужасный ливень, и леди на обратном пути поскользнулась и ударилась головой об острый камень. Моментально скончалась. Дочь ее всю ночь пролежала без сознания на полу. Ее нашел почтальон. Дальнейшая ее судьба неизвестна: кто говорит — жива, кто — умерла. Но теперь некоторые слышат, как по ночам в этом доме бродит призрак матери. Зовет к себе дочь, вечно просит прощения, говорит, что любит ее. Знаю, история похожа на выдумку, но мне рассказывали люди, которым я верю. Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший?

— О нет! — ответила я дрожащим голосом.

Меня затронул рассказ кебмена. Сколько в нем лжи! Мама никогда не поднимала на меня руку. И что за вымышленный почтальон?

— Я тоже немного верю в духов и другую мистику, — продолжила я (и это была чистая правда).

— Так что же вас связывает с этим домом? — все еще недоумевающая, спросил мой собеседник.

— Я не из местных, это вы верно заметили, но... но... Я жила здесь как раз в шестьдесят четвертом. И я видела этих людей, мать и дочь: мой дом был напротив. Но через три месяца я переехала. С родителями. И сейчас я вернулась. Одна. Учиться.

Врать я всегда умела, и довольно хорошо. У всех свои таланты. Кстати, об учебе: в приюте нас обучали, и мне это довольно легко давалось. Но теперь-то я сбежала, и надо найти какую-нибудь школу.

— Вы видели эту несчастную семью? — кебмен был очень удивлен. — Расскажите!

— Да рассказывать особо нечего. Просто видела пару раз, и все. Выглядели мрачно, вполне мрачно. Похоже, в жизни им досталось. Вы... ну... вы с-случайно не знаете, как их зовут?

— Я надеялся спросить у вас. Но получается, этого никто не знает.

Я вздохнула с облегчением.

— Кстати, как вас зовут?

Наконец-то я могла назвать себя.

— Дамана... Дамана Брустер!

— А я Карл. Приятно познакомиться!

— Да, мне тоже!

Мы немного помолчали. Потом кебмен все же решил продолжить разговор:

— М-м... Так вы сюда приехали без родителей?

— Да. Они хотели проверить, смогу ли я выжить сама, одна, без помощи и опеки.

Ну и нелепый я придумала ответ!

— Что же это за родители такие?

— Просто они ставят передо мной цели. Да, я сама так хотела. Хотела проверить, на что способна!

— Это интересно... — улыбнулся Карл.

Странно: когда я в первый раз увидела кебмена, мне показалось, что он похож на бревно. Такой же прямой (потому что держал осанку) и бесчувственный, словно его загипнотизировали. А сейчас Карл открылся с другой стороны. Он, похоже, веселый и разговорчивый. Оказался молод и, надо признать, красив. Правда, я на это не очень обращала внимания. Сейчас мне не до флирта.

Я поглядывала на Карла и думала: неужели на свете еще остались хорошие люди? Нет, не может быть: это притворство. Хороших людей не было, нет и никогда не будет. В детстве я думала, что мир — это рай, в котором все живут мирно и дружно, но от меня скрывали зло, коварство и расчет. Ничего не бывает просто так: все за отдельную плату. И такая система работает везде: в так называемой любви, в семье, на работе, между соседями...

Мы сидели молча. Потом он сказал:

— Приехали.

Выйдя из кеба, я спросила:

— Сколько я вам должна?

— Нисколько.

— Как это понять?

— Я подвез приятного собеседника: это прекрасная плата. К тому же, вы такая воспитанная молодая леди...

Его обаяние не оставило меня равнодушной: я улыбнулась. И еще — впервые в жизни смутилась. Карл смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел: с заботой и симпатией. Он ответил мне улыбкой. Чтобы не рассмеяться, я опустила глаза. Снова подняла:

— Очень мило с вашей стороны! Спасибо!..

— Не стоит, — он немного покраснел. — Я тут часто езжу, так что буду рад вас снова подвезти.

На это я ответила улыбкой. Карл поклонился, сел на козлы и уехал. Конечно, я могла расплатиться, но денег было в обрез. Пару минут я смотрела вслед кебу, потом направилась в постоянный двор. Трехэтажное серо-бежевое здание не походило на соседние дома, впечатляло, но не восхищало, по крайней мере, меня. Оно было крупным, но скромным. Главное, чтобы не спрашивали документов. На возраст я свой не выгляжу, да и не должно быть до меня никому дела.

Войдя внутрь и миновав холл, я сразу же заметила хозяйку. Толстая женщина лет сорока сидела за стойкой и спала, похрапывая. Я подошла ближе, стуча каблуками по деревянному полу. Хозяйка не просыпалась.

— Извините?..

Храп только усилился.

— Извините! — повторила я громче.

Ответа опять не последовало. Только тут я заметила звонок и стукнула по нему три раза.

Женщина проснулась.

Женщина вздрогнула, открыла глаза и, увидев меня, тут же натянула улыбку:

— Ох, клиент! Хотите снять номер?

— Было бы неплохо, — проговорила я.

— Сколько комнат?

— Одну, желательно с ванной.

— Мисс, у нас все номера с ванной, хоть и маленькой.

— Все равно, лишь бы хватило денег.

— Найдем номер подешевле. С ванной и спальней.

— Замечательно!

— Вы к нам надолго?

Я усмехнулась и произнесла:

— Надеюсь...

Мы договорились о сделке, цена действительно была невелика. Конечно, на всю жизнь не хватит, но на полгода — вполне. И это с учетом расходов на еду.

Мне показали мою комнату №33 на третьем этаже. Обстановка скромная: маленький круглый столик на одного—двух человек, кресло, шкаф, комод с зеркалом и кровать. Не так уж и плохо!

— Вот, пожалуйста, проходите, — проговорила хозяйка, открывая передо мной дверь в спальню. — Уютно у нас, правда? — добавила она с восхищением.

— Да, действительно.

Я бы, правда, осталась здесь надолго... Но, к сожалению, меня скоро начнут искать, и мне надо запутать следы.

— Меня зовут миссис Норрис. Если возникнут вопросы, обращайтесь ко мне, мисс... — она вопросительно посмотрела на меня.

— Дамана Брустер.

— Замечательно, мисс Брустер, — сказала миссис Норрис с мягкой улыбкой. — Вам что-нибудь нужно?

— Хотелось бы найти мыло, полотенце...

— О да, конечно. Прямо через дорогу есть лавка. Там же, рядом, книжный магазин. Кстати, бесплатная библиотека есть и у нас, на первом этаже.

Я всегда любила читать, читала все, что попадется в руки, потому библиотека меня очень порадовала.

Миссис Норрис отдала ключи и ушла. Она была на зависть подвижной для своих сорока лет и совсем не походила на трактирщицу. Очень открытая, приятная и, главное, ухоженная... Алкоголем, как и борделем, здесь и не пахло.

Я разложила пожитки в тумбочку и комод, спрятала деньги под матрас. После решила пойти купить мыла. На первом этаже миссис Норрис за стойкой читала газету. Я подошла ближе, но женщина из-за большой газеты меня не увидела.

— Миссис Норрис... — кашлянула я, привлекая внимание.

— Ох, да, мисс. Я не слышала, как ты спустилась. Что произошло?

— Ничего. Я собираюсь сходить на улицу. Ключи сдавать?

— О, совсем не обязательно!

— Спасибо.

— Удачно прогуляться.

В ответ я кивнула, резко развернулась и вышла из парадной двери.

Погода резко изменилась. Если утром стоял туман, то сейчас он пропал, выглянуло солнце, все как будто расцвело. Появилось больше народу. Кто шел на работу, несмотря на субботний день, кто просто прогуливался; детишки бегали по лужам.

Судя по всему, было уже около двух часов дня. Одни люди ходили грустные, недоброжелательные, со злыми глазами. Другие — с искусственной, нарисованной улыбкой, и никто из взрослых не улыбнулся откровенно. Это слегка испортило мое настроение. Но дети были не такие. Они бегали, прыгали, веселились и смеялись. Я стала улыбаться, но потом вспомнила, как играла с мамой и папой на лужайке на заднем дворе нашего дома. И тогда улыбка сменилась тоской, тоска — угнетенностью, угнетенность — ненавистью, ненависть — злобой. Злобой такой же, как сегодня утром в квартире. Я вздрогнула, когда в меня врезался мальчик. «Простите!» — крикнул он на бегу. Это вернуло меня к реальности: нужно купить мыло.

Перебежав через дорогу, я медленно, не спеша, направилась к лавке. Открыла дверь. Зазвенел колокольчик. Внутри никого не было. Из-за прилавка выскочил тощий старичок лет шестидесяти.

— Чем могу вам помочь, мисс?

— У вас есть мыло?

Старичок посмотрел на меня пронизывающим взглядом. Его бородака будто растопырилась. Он выпрямился, сделал безразличное лицо и с гордостью проговорил:

— Да.

Его напыщенность едва не рассмешила меня, я купила гигиенические принадлежности. У аристократов обычно водились щетки для зубов. Но теперь я привыкла обходиться пальцем.

Выйдя из лавки, я тут же столкнулась с каким-то прохожим. Он явно куда-то спешил и грубо бросил:

— Смотри, куда идешь!

Мне это, мягко скажем, не понравилось. И я огрызнулась:

— Иди к черту!

В этих словах я выплеснула почти всю злобу, накопившуюся за день. Могу поклясться, что мужчина услышал меня: он даже обернулся, но продолжил свой путь. Наверно, был ошарашен, что я посмела перечить, и решил не продолжать спор. Мудро. На душе полегчало. Хотя на кого-то я выплеснула гнев.

Сейчас забавно, что тогда я, диковатая девчонка, обращала внимание на такие мелочи. Но представь, дорогой читатель, мое состояние! Я знала, что за стенами приюта есть люди, но я забыла, насколько они могут быть разными. Новые или просто забытые ощущения ожидали меня на каждом шагу.

Ободренная случившимся, я вернулась к постоялому двору. Уже в коридоре, остановившись неподалеку, я услышала, что кто-то кричит на миссис Норрис, а та отвечает тихо и забито. Я решила притаиться в арке и подслушать.

— Вы задолжали мне! — рычал мужчина.

— Всего за неделю, — тоненьким голосом отвечала миссис Норрис.

— Неважно! Его величество короля это не будет интересовать!

— Но... Я вам выплачу деньги, честно.

— Каждый месяц! Каждый месяц одно и то же! Вы знаете, что делают с теми, кто не выплачивает нало...

Меня возмутила и разозлила его невоспитанность. Что этот грубиян может знать о короле, и уж тем более о его заботах!

Не знаю, что на меня нашло, но я выскочила из-за угла, где пряталась, и только раскрыла рот, как сразу же опомнилась. Мне не стоило появляться на глаза представителям закона.

Наступила гробовая тишина. У окна стоял среднего роста и возраста мужчина, плотный, лысоватый. Его выражение лица с яростного изменилось на любопытное. Он пытался разгля-

деть меня, но не мог: солнце било ему в глаза. Я мельком глянула в сторону миссис Норрис. Она стояла у стойки и смотрела на меня совсем иначе, будто бы увидела святого.

После краткого молчания я опустила голову и побежала к лестнице. Мужчина за моей спиной спросил:

— Кто это?

— Постоялец, — с мягкостью проговорила хозяйка.

— Ладно, даю вам время, так и быть. Я приду через три дня.

Я спокойно пошла к себе в комнату. Войдя внутрь, закрыла дверь на ключ и отправилась мыться. Сумела растопить плиту, вскипятила два чана. Хотя бы за это спасибо приюту. Похоже, я совершенно перестала быть аристократкой...

Наполнив ванну и разбавив кипяток холодной водой, я распутала и расчесала волосы. На удивление, это получилось легко. Но они были настолько грязными, что из зеркала на меня смотрела незнакомая девочка-брюнетка, хотя на самом деле я была светло-русая.

Я разделась и залезла в ванну. О-о-о, какое блаженство! Я мечтала об этом с первого приютского дня! В приюте нас мыли по расписанию, о горячей ванне оставалось только грезить.

Интересно, что сейчас творится в приюте? А вдруг они меня найдут? Вдруг миссис Норрис или этот Карл сдадут меня полиции? Ничего, спокойно. Я сбежала раз — сбегу и второй, и третий, и десятый. Нужно изменить внешность, чтобы мать родная не узнала. Хотя могу поспорить, что ни мама, ни папа и так меня не узнали бы сейчас...

Что за человек пришел за налогами? Сказал, миссис Норрис задолжала за целую неделю, а вроде не похоже. Это место выглядит приличным. Интересно, сколько здесь постояльцев? И чем мне заняться, и стоит ли пойти учиться? Нет! Это глупо! Так меня рано или поздно разыщут. Выход один: учиться самой. Больше делать нечего. Одно только ясно: надо бы еще работу найти. Все мои умения сейчас бесполезны. Я прекрасно держусь в седле. Как-никак, в три года посадили на коня! Перерыв был долг — целых пять лет, но от езды верхом отучиться невозможно. Стоит сесть в седло, как я все вспомню. Но какой от этого толк? Стоит признаться, эти умения бесполезны. Кто допустит женщину к серьезным состязаниям? У нас не так много прав... По-хорошему получается, меня даже близко к парламенту не подпустят. Что еще я умею? Читать, говорить на французском. Но все равно толку мало. Ладно, газеты полистаю, а там решу.

Закончив мыться, я оделась, завернула волосы в полотенце и спустилась к миссис Норрис. К моему удивлению, ее не было за стойкой. Я поняла, что надо постучать по звонку, так и сделала. Через секунду миссис Норрис выскочила из-за двери за стойкой, увидела меня и рассмеялась:

— Как ты перевоплощаешься! Чем могу помочь?

— Ну... — Я боялась, что моя просьба прозвучит нелепо. — Вы не могли бы меня постричь?

— Постричь? — переспросила миссис Норрис.

— Да.

— Но я не умею!

— Просто укоротите немного. Этого хватит.

— А если будет криво?

— Неважно. Ничего страшного.

— Ну ладно, проходи.

Комната миссис Норрис была маленькая, но невероятно уютная и теплая, в ней не пахло сыростью.

— Садись вот на тот стул и займись волосами, — она протянула мне расческу. — А я пойду за ножницами.

Волосы хорошо расчесывались. Стоило мне закончить, как сразу пришла миссис Норрис.

— Постригать? Как коротко? — на ее лице сияла улыбка от уха до уха.

— Где-то чуть выше лопаток.

— Уверена?

— Да, — я начала нервничать.

Защелкали ножницы. Миссис Норрис что-то бормотала себе под нос. Я сидела неподвижно, но взгляд скользил по стенам. Картины — копии известных полотен, наброски — все словно вышли из-под одной кисти. Я не ошиблась: единый стиль, уверенная рука. Среди них — портрет самой миссис Норрис. Слева — мужчина, справа — девочка лет шести. Черные ленты на рамах. Утраты, спрятанные за улыбкой хозяйки... Я попыталась разглядеть еще один портрет сбоку, но угол обзора не позволял.

— Вроде готово, — сказала миссис Норрис. — Ну надо же, даже ровно!

— Так быстро? — удивилась я.

— Да вот, смотри! — Она взяла меня за руку и так резко потащила к зеркалу, что я, вскочив, чуть не уронила стул. Жаль, но зеркало находилось в противоположной стороне от портретов.

— Здорово, правда? Смотри, как ровно!

Хозяйка стала оживленно стряхивать с меня обрезки волос.

— Да, действительно ровно. Интересно, как эта прическа будет смотреться, когда волосы высохнут?

— Мне тоже!

Счастливая миссис Норрис так и сияла.

— Большое спасибо! Я пойду к себе.

Веселое лицо миссис Норрис омрачилось. Она искала, как бы меня остановить, и попала в самую точку:

— Дамана, ты можешь со мной поужинать.

— Поужинать? — я обернулась. — Вы меня об этом просите?

— Конечно, если ты занята, я тебя не заставляю...

— О нет, вы не так поняли... Я с радостью.

— Отлично! — миссис Норрис опять засияла. — Отнеси полотенце и возвращайся, я как раз разогрею еду.

Меня покормят! Отлично. Жаль, не удалось разглядеть портрет, но мне уже не так любопытно. Я повесила полотенце на место и пошла посмотреть на себя в зеркало. Интересно, что будет, когда волосы высохнут? Пойдет ли мне эта прическа, как в детстве? Ладно, подожду до завтра.

И тут я заметила портрет своей семьи. Его я положила на комод перед тем, как уйти в лавку за мылом. Стоит ли прятать портрет? Кто-нибудь может заметить... Но что с того? Даже если узнают, что я — графиня Брустер, кому до этого дело? Интересно, кто-нибудь знает, что у графа Брустера-младшего есть наследница? Обо мне когда-то писали в газетах, меня видел сам король. А как же газетчики? Ведь это сенсация: граф умер, его жена и дочь пропали без вести... Меня должны были искать! Ладно, подумаю об этом позже. Пора к миссис Норрис.

Приближаясь к ее комнате, я все сильнее чувствовала ароматные запахи. Я не ела почти сутки и боялась упасть в обморок. Голод терзал сильнее, чем в те дни, когда порции в приюте казались мне невыносимо скудными.

— Миссис Норрис!

— Я тут, заходи, — послышался голос из соседней комнаты.

Там оказалось очень душно.

— Еду разогреваю, — объяснила миссис Норрис, а в сковороде что-то зашипело. — Садись куда хочешь. Почти готово. Поможешь мне накрыть на стол?

— Да, конечно.

— Тогда бери это, — она указала на миску, — и неси туда, где я тебя постригала.
Я унесла миску и вернулась.

— Возьми оттуда, — она кивнула в сторону шкафа, — две тарелки и два стакана.

Тарелок в шкафу было пять, как и чашек и стаканов. И еще в нем стояли аккуратно сложенные сковородки, кастрюли, подносы.

— Бери графин с кипяченой водой, он тоже пригодится.

— А чай потом или как?

— Потом.

Я ушла из кухни и села за стол. Разложила тарелки, поставила стаканы. Чего-то не хватает.

— Миссис Норрис, мы забыли про вилки!

Хозяйка из сковородки перекладывала еду в общую тарелку.

— Верно, — она обернулась. — Они в том же шкафу, только в правом ящичке. Возьми еще и ножи.

Я взяла два ножа и две вилки и положила их по правую и по левую сторону от тарелок. И села на свой стул. Через пару минут зашла миссис Норрис. Она аккуратно расставила еду и села. Мне не терпелось приступить к трапезе, как вдруг миссис Норрис предложила:

— Хочешь произнести молитву?

— Что? — я нахмурилась. — Нет, давайте лучше вы.

— Хорошо.

Она сложила руки, закрыла глаза. Я повторила за ней, но пальцы дрожали. Ее слова: «Спасибо за еду, за воду, за помощь в трудные времена...» — звучали чуждо, почти насмешливо. «Да как же...» — мысль царапнула, но я прикусила язык.

— Аминь, — повторила я безэмоционально.

Мы приступили к еде. Каждый кусок дарил тепло. Миссис Норрис умела готовить так, что даже простая еда казалась праздником. Почувствовав, что мой живот полон, я поблагодарила хозяйку.

— Ну, расскажи мне о себе, — сказала миссис Норрис, мягко улыбаясь. Мы сидели и потихоньку потягивали чай.

— Мне нечего рассказывать, — отрезала я.

Но миссис Норрис оказалась очень настойчива:

— У каждого человека есть история, достойная рассказа.

Ее мягкой улыбке невозможно было противостоять.

— Меня зовут Дамана Брустер, мне шестнадцать лет.

Мою остроту явно не оценили. Миссис Норрис молча смотрела на меня и ждала. Я вздохнула и начала лгать:

— Приехала недавно, но до тринадцати лет жила здесь. Город я почти не знаю, гулять по улицам меня одну не отпускали. Отцу предложили хорошую работу, ну, мы и переехали. Меня постоянно опекали, ходили за мной по пятам, из-за этого я часто ссорилась с родителями. Мне все чертовски надоело. Я заявила, что способна жить самостоятельно. Устроила скандал. Родители устали от моих протестов и поставили условие: если хочу самостоятельности, докажи, что справлюсь. Дали денег на месяц и сказали: «Попробуй выжить. Если не выдержишь — возвращайся». Но постараюсь их не просить об этом. Не хочу обратно!

Неплохо я солгала, правда? Говорю же — это мой талант. Вранье становится особенно правдоподобным, когда вносишь в него скрытый смысл, что я и сделала.

— Вот такая история.

— Ты так молода для таких испытаний! — воскликнула миссис Норрис.

— Почему же?

— Родители так жестоко с тобой обошлись. Отправили дочь в незнакомый город, одну — кошмар!

— Почему? Я сама этого хотела.

— И не жалеешь?

— Это моя победа. Жалеть не о чем, — сказала я, но улыбка вышла натянутой.

— Что ж, тогда я восхищаюсь тобой! — засмеялась миссис Норрис. — Значит, Дамана Брустер. Красивое имя, звучит. Где-то я его слышала. М-м-м...

Тут я засуетилась: вдруг она слышала о Брустерах! И решила отвести подозрения:

— Меня называли в честь дочери Брустера-младшего. Помните, у графа была дочь, Дамана.

— Ах, да-да! Про нее еще трубили в газетах. Твой отец и лорд Брустер однофамильцы?

— Верно. — Я решила срочно менять опасную тему. — Ну ладно, хватит обо мне! Расскажите о себе.

Миссис Норрис улыбнулась:

— Мне нечего рассказывать.

— У каждого человека есть история, достойная рассказа, — повторила я недавние слова миссис Норрис.

Хозяйка улыбнулась еще шире и ответила:

— Меня зовут Лив Норрис, мне сорок два года.

Тут мы опять захохотали.

— Я такое уже говорила! — сквозь смех проговорила я.

— Я была замужем, — сказала миссис Норрис, успокоившись. — Мои муж и дочь погибли от оспы.

— О боже! Простите, я не знала. Мне очень жаль.

Мне стало стыдно и больно. Ведь та же оспа забрала моего отца. И от чахотки его лечили...

— Все в порядке, — махнула рукой миссис Норрис, помрачнев. — Ничего страшного. Вернее... конечно, страшно. Но они погибли уже шесть лет назад. И у меня есть сын, ему девятнадцать. — Тут хозяйка просияла. — Он очень дорог мне. Я вас познакомлю, ты ему обязательно понравишься!

— Надеюсь. — Я обернулась и посмотрела на часы. — Ой, уже полдесятого. Спасибо за чай. Спать хочется. Пойду-ка я к себе.

— Уже? Так быстро? — раздосадованная миссис Норрис встала вслед за мной. — Мой сын скоро придет, может, дождешься?

— Нет, вряд ли. Я почти круглые сутки не спала и просто валяюсь с ног.

Хозяйка проводила меня и пожелала спокойной ночи. Поднимаясь по лестнице к себе в комнату, я вспоминала каждое слово, которое мы говорили друг другу. Миссис Норрис мне понравилась: приятная женщина.

В комнате тишина давила на уши. Я захлопнула дверь, заперла на ключ. Спиной к стене, словно за ней уже стояли охотники за беглянками. Паника накатывала волнами... Мне никогда не было так страшно! Но чего я боюсь? Попасть в детскую тюрьму? Такого не случится! Я не сломаюсь. Кровь Брустеров не течет в жилах трусов! Отец не сдавался. И я не сдамся. Просто отец не успел сделать все, что хотел. Увы, он умер слишком молодым. Неужели я, дочь великого человека, у которого не было границ, позволю запереть себя в четырех стенах? Нет, этому не бывать!

Успокоившись, я переоделась в сорочку и легла в кровать. Кровать была слишком мягкой — непривычно после жестких нар приюта. Но уснула я моментально и спала так крепко, что не увидела ни одного сна.

29 марта 1770 года. Воскресенье

Сквозь сон доносился смех и голоса. Я с трудом осознала: я здесь не одна. Встала, заправила кровать, переоделась, расчесалась и умылась. Можно спускаться на первый этаж. А вдруг... вдруг уже известно, что я сбежала из приюта?

Колеблясь, я подошла к портрету мамы и папы, который стоял на комод. Мне не хватает семьи, как ни крути. Но ее нет. Из-за родителей, которые умерли. Но я их не виню. Хотя бы папа точно ни в чем не виноват.

Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Совсем забыла, что постриглась. Сама заметила перемены: лицо наконец-то перестало быть бледным и опухшим, глаза не налиты кровью, мешки под ними почти исчезли. И главное — волосы, они оказались прелестны. На свету переливались золотом, даже были чуть-чуть рыжеватыми. Их новая длина мне понравилась больше, чем любая прошлая.

Лицо казалось отдохнувшим, но в глазах застыли тени — злость и ненависть, потеря и мучения. И казалось, что я вот-вот расплачусь. Но вряд ли мне кто посочувствует — скорее испугается. Взглянув опять на портрет, я набралась смелости и решила спуститься.

Снаружи разговаривали. Я вышла и закрыла дверь. Звения ключами, услышала, что голоса замолкли, и обернулась. Все гости смотрели на меня. Я, замерев от неожиданности, разглядывала их в ответ.

На этаже было четверо взрослых и трое милых детей, на которых я обратила внимание в первую очередь. Два мальчика и девочка лет пяти-шести сидели на полу, играя в кубики. Справа от них стояла симпатичная девушка и чопорный молодой человек, видимо, ее муж. Им обоим было за двадцать. Видимо, один из мальчиков был их сыном — он сидел у ног своей мамы. Слева стояла женщина лет сорока, одетая очень строго, почти чванно. Она ругала второго мальчика. Тот был хулиган — сразу видно.

Все молчали. Я почувствовала, что от меня ждут действий, и сказала:

— Здрасьте...

— Доброе утро, — хором ответили взрослые.

Тишина давила. Взгляды скрестились на мне, будто ждали, что я объясню свое появление. Вдруг в разговор вступила женщина, гордо и невозмутимо спросила:

— Так вы новенькая?

— Да, — коротко ответила я.

— И давно сюда приехали?

— Вчера.

— И пропустили воскресную службу? — спросила более взрослая женщина.

— Это очень личный вопрос, — аккуратно ответила я.

— Добро пожаловать, — приветливо сказал молодой человек, сменив общее настроение.

— Спасибо.

— Вам тут нравится? — спросила нежным голосом девушка.

— Приятное место.

— Как вас зовут? — поинтересовалась женщина.

Тут я запнулась. Соврать или нет? Выбрала первое:

— Элизабет.

— Красивое имя, — сказала девушка.

— Спасибо, — ответила я. — А вас как зовут?

— Я мистер Смит, — представился молодой человек. — А это миссис Смит, — он указал на свою жену.

— Но ты можешь называть меня Кейт, — поправила она мужа.

— Миссис Тайлер, — представилась взрослая женщина. — Это Чарли, — кивнула она в сторону мальчика, которого недавно ругала. — А это Сэмми и Лиза, — указала на малышей.

— Я Джон, — представился сын молодой пары, гордо вставая с пола.

— Рада познакомиться.

— Мы тоже, — проговорил мистер Смит.

— Тогда... увидимся, — сказала я, направляясь к лестнице.

— До свидания.

Как только я ступила на лестницу, они продолжили разговаривать.

Дети притягивали взгляд. В их беззаботности было что-то, чего мне так не хватало. Как у малышей: Сэмми, Лиза и Джон. Такие смешные! И не представляют для меня угрозы. Каждый из них по-своему выделялся. Сэмми — полный мальчик, очень неуклюжий: кубики у него постоянно падали. Зато лицо очень милое: кучерявые рыжие волосы, зеленые глаза. Сразу видно — очень добрый, но в жизни ему чего-то не хватает, как будто не до конца счастлив. Лиза — маленькая, полноватая. Она средняя между двумя братьями. Девочка была заплаканной — видимо, ее обидел Чарли, поэтому его мама и ругала. Чарли меня возмутил. Наглое лицо и обиженные глаза, будто его обвиняют ни за что, вызвали у меня неприязнь.

Чарли и Сэмми — братья. И они походили глазами, волосами и чертами лица друг на друга и на маму. А Лиза, видимо, пошла в отца. У нее были черные, чуть выющиеся волосы и карие глаза. Но больше всего мне понравился Джон. Его темные волосы и каре-зеленые глаза были такими же, как и у его мамы, а черты лица и смуглая кожа — как у отца. Джон выглядел смелым, уверенным и таким же чопорным, как его папа.

Миссис Тайлер показалась мне строгой и рассудительной. Похоже, так же она относится и к детям. От меня не скрылось, как сильно любит жену и сына внешне чопорный и невозмутимый мистер Смит. А Кейт — просто чудо: красивая, добрая, милая.

Спустившись на первый этаж, я не увидела миссис Норрис за стойкой. Постучала в дверь ее комнаты. Никто не открыл. Внутри я слышала голоса — мужской и женский. Только собралась войти — но не тут-то было. Дверь распахнулась внезапно, ударив меня в нос. Я отскочила, опустила голову так, что волосы закрыли лицо.

— Ой, простите! Я не заметил вас!

И тут я увидела хорошо знакомого юношу:

— Карл? Что вы здесь делаете?

— Мы знакомы? — Он сдвинул брови, вспоминая. — Дамана?

— Нет, святая дева!

У меня пошла кровь из носа.

— Я вас не узнал, — сказал он. — Прекрасно выглядите!

— Спасибо, — пробормотала я, а кровь все текла и текла.

Карл был настолько увлечен, изучая меня, что ничего не замечал. Но вскоре опомнился:

— О боже, у вас кровь! Простите, я случайно! Мам!

К моему удивлению, откликнулась миссис Норрис:

— Да, Карл?

Он кивнул в мою сторону.

— Ах, вы уже познакомились. Что случилось?! Почему твое лицо в крови? Быстрее проходи сюда. — Она повела меня в комнату, Карл прошел за нами, закрыв дверь. — Карл, быстро принеси холодной воды! И салфеток!

— Что это значит — «мам»? — переспросила я.

Миссис Норрис не слушала. Она заткнула салфетками мой нос и намочила полотенце, чтобы вытереть мне лицо и руки.

— Дамана! Простите меня, я случайно, — стал извиняться Карл.

— Ничего страшного. Переживу.

— Это он тебя так? — удивленно спросила миссис Норрис.

— Случайно, — оправдала его я.

Я запрокинула голову, сжимая салфетки. Карл смотрел так, будто видел впервые. Неужели я так изменилась? А потом до меня дошло: он сын миссис Норрис. Я не выдержала молчания первой:

— Карл — ваш сын?

— Да, — ответила миссис Норрис.

— То есть вчера ночью вы рассказывали мне про него?

— Да.

— Вы обо мне разговаривали? — спросил Карл.

— Ну, вчера мы ужинали и приятно беседовали, — поясняла миссис Норрис. — Кстати, как насчет завтрака?

— Если вас не затруднит, — прошептала я.

— Отлично, — сказала миссис Норрис. — Я накрою. А вы пока поговорите.

Я сидела, запрокинув голову и все еще держа салфетки. Видела потолок и слышала шаги Карла. За столом было два стула, а он принес третий. Сел на него, и мы стали молчать. Потом я почувствовала, что кровь уже не бежит, убрала полотенце и салфетки. Не зная, куда положить их, я засуетилась. Это не скрылось от Карла.

— Не мучайся, — сказал он. — Давай сюда.

Он унес полотенце на кухню, вернулся, сел и стал на меня смотреть. Я делала вид, что не замечаю, но потом уставилась на него в ответ. Он улыбнулся так же обаятельно, как его мать. Я тоже улыбнулась, но больше с сарказмом. Карл стал давиться от смеха, но держался, словно не смел проиграть в гляделки. Мне тоже стало смешно:

— Что с тобой?

— Ничего. Просто я только что понял, что ты сказала. Насчет святой девы.

— Быстро же! У тебя всегда так?

— Я только двери резко открываю!

Карл захохотал, и я вслед за ним. Интересно, когда за последние годы я так смеялась?..

— Нет. Только если волнуясь.

— Понятно. А еще понятно теперь, почему ты привез меня именно сюда. И почему ты часто работаешь в этих местах...

— Тебе тут не нравится?

— Место приятное. Ты и твоя мать так тепло приняли меня. Но я провела здесь слишком мало времени и пока не могу ответить.

— Ты еще и беседы вести умеешь?

— А ты — нет?

Карл пожал плечами, оставив вопрос открытым. Тут вошла миссис Норрис и обратилась к нам с Карлом:

— Вы мне не поможете?

— Да, конечно, — сказал он, еле оторвав от меня взгляд.

— И я, — отозвалась я, вставая со стула.

— Все в порядке? — спросил он, проверяя, не вернулась ли кровь.

— Да.

После этого уверенного ответа Карл разрешил мне помочь. Мы накрыли на стол. Завтрак был традиционный. Немного поговорили — в основном посмеялись над тем, как я сегодня познакомилась с дверью. Серьезных разговоров я старалась избегать. Не хотела, чтобы затронули тему моей семьи.

Я рассказала, что познакомилась с соседями и что назвалась Элизабет. Зачем? Чтобы объяснить это, пришлось снова солгать: мол, не хочу, чтобы лишние люди знали мое подлинное

имя. Моя легенда не без дыр, но в современном мире многим плевать на это: есть много других забот. Миссис Норрис сообщила, что это не все жители. Есть две семьи на втором этаже: семья Браун и семья Ричардс. У первых есть дочка Милли, подруга Лизы. Я замерла на полуслове. Мама... Нет, здесь это имя не должно звучать. Дочери Браунов было столько же, сколько и Лизе: около пяти лет. Семья Ричардс — мать и двое взрослых детей — жили скромно, выходили из комнаты только на работу или в город по делам. Они приехали в столицу десять лет назад, а раньше жили в другом графстве. Матери по имени Колин было за пятьдесят, дочери Кире — двадцать три, а сыну Питеру — девятнадцать. Дети уже работали, но денег семье все равно не хватало.

Оказалось, миссис Норрис сдавала комнаты не как трактир, а как общежитие. Миссис Норрис сдавала небольшие квартирки или комнаты. В доме есть общая гостиная, где все обычно и находятся, кроме Киры Ричардс. Около гостиной есть библиотека. Кстати, как раз туда мне больше всего хотелось попасть. В общежитии было три этажа, не считая маленького чердака, и десять комнат, которые сдавались: по пять на третьем и втором этажах. На первом, кроме общей гостиной и библиотеки, находилась общая прачечная.

На чердаке никто не бывал уже шесть лет, со дня смерти мужа и дочери миссис Норрис. Сейчас там лежали старые, ненужные вещи. «Но кто знает, может, он еще понадобится?» — заметила миссис Норрис.

Карл обещал показать мне гостиную и библиотеку сразу после завтрака. Мы убрали со стола. Когда я стояла у зеркала, миссис Норрис наконец-то произнесла:

— Дамана, у тебя замечательные волосы!

— Вы заметили, — улыбнулась я. — Я думала, вы ничего не скажете.

Она стала ходить вокруг меня с восхищенным взглядом:

— Тебе очень идет!

— Спасибо, миссис Норрис.

— Ты меня удивляешь!

— Ладно, Дамана, пойдем, — напомнил Карл. — Нас ждет библиотека.

— Ах, да, — ответила за меня миссис Норрис. — Не буду вас задерживать.

Мы вышли из комнаты и повернули направо, а потом еще раз направо. В глубине, за небольшой аркой, как будто в коротком туннеле, виднелась деревянная дверь. Открыв ее, Карл пропустил меня вперед. Мы попали в гостиную.

— Это гостиная, — подтвердил мою догадку Карл.

— Понятно, — откликнулась я.

В большой, теплой, уютной комнате с картинами на стенах легко помещалось много народу. Все остальные комнатки были куда меньше. Полукругом стояли два дивана и три кресла, а посередине — низкий стол с чашками и чайником. Под мебелью лежал уютный рыже-красный ковер. Слева в углу я увидела пять стульев и столик с карандашами, бумагой и красками. Гостиную освещало одно окно, но огромное, почти во всю стену, с рыжими занавесками и серым тюлем. Комната была как будто из красного дерева: при свете заходящего солнца она выглядела мягко-красной.

В гостиной были почти все семьи. Среди присутствующих я заметила мистера Смита рядом с незнакомым мужчиной: русые волосы, серо-зеленые глаза — должно быть, мистер Браун. В кресле миссис Тайлер читала газету. Рядом сидели и беседовали Кейт и какая-то женщина лет тридцати. Наверное, миссис Браун. Она была стройной блондинкой с голубыми глазами, очень обаятельной, как и Кейт. Около них на ковре сидели Лиза и ее подруга Милли — маленькая, стройная девочка со светло-русыми волосами и серо-голубыми глазами. Странно, я почему-то думала, что она похожа на мою маму, но ошиблась. Мама была стройной, высокой брюнеткой с карими глазами. Милли походила на меня и на моего отца, потому что мне досталась его внешность: волосы, глаза, черты лица и немного веснушек. Девочки играли в куклы.

За столом в углу сидел Сэмми и старательно рисовал, рядом Джон что-то ему подсказывал. Каждый нашел себе занятие. В гостиной не было только семьи Ричардс и хулигана Чарли.

Я застыла, впитывая каждую деталь гостиной. Карл смотрел на меня, улыбаясь. Так мы стояли минуты три. Потом он сказал:

— Тебе явно она нравится.

— Гостиная превосходна! — негромко сказала я. — Кто построил ее?

— Мы с отцом, как и все общежитие. Хотя это больше заслуга папы.

— Вы просто молодцы.

— Спасибо. Ну, пойдем в библиотеку?

— Да, конечно.

Сначала мы двигались незаметно, но стоило нам пересечь гостиную, как Карл тут же оказался в центре внимания.

— Добрый день, — сказали мистер Смит и мистер Браун, пожимая ему руку.

— Добрый, — ответил Карл. — Добрый день, миссис Тайлер.

— Здравствуй, Карл, — на удивление мягко отозвалась она.

Карл кивнул Кейт и миссис Браун, они тоже поздоровались. Я стояла около Карла, рассматривая комнату.

— А где твоя мама? — спросила миссис Тайлер.

— Не знаю, но она сюда скоро придет, — ответил Карл.

— Карл! — воскликнул Джон. — Он пришел!

Милли и Лиза бросили кукол и полетели к Карлу. Милли прибежала первая, так что Карл с необыкновенной легкостью подхватил ее на руки и опустил, а она засмеялась. Подросла Лиза и обхватила Карла за колени. Я видела большую семью. Что это: мое везение или уловка?

Карл сидел на корточках рядом с четырьмя детьми и разговаривал с ними, будто о чем-то серьезном. Дети безумно любят его, а он их — это видно. Я наблюдала за трогательной картиной и улыбалась, впрочем, как все в комнате, не считая хмурой миссис Тайлер. И тут Джон сказал, заметив меня:

— Карл, ты уже познакомился с Элизабет?

— Элизабет? Какой Элизабет?

Он забыл, что я солгала насчет своего имени!

Мне пришлось срочно выкручиваться, потому что глядели на меня с недоумением.

— Очень смешно, Карл, — я сверлила его взглядом. — Это он шутит так, — обратилась я к взрослым, искусственно засмеявшись. Посмотрела на детей с мягкой улыбкой: — Конечно, мы знакомы. Я с ним познакомилась даже раньше, чем мы с вами. А вы мне не скажете, кто эта прекрасная девушка?

— Ее зовут Милли, — сообщила Лиза.

— Приятно познакомиться, Милли. Я Элизабет.

Тут Карл наконец-то все понял.

— Мне тоже приятно познакомиться, Элизабет, — сказала Милли.

— Да... Элизабет, нам туда, — сказал Карл, показывая на дверь справа.

— Да, пойдем, — отозвалась я.

— Элизабет, куда ты? Расскажи нам о себе, — попросил Сэмми, и все дети поддержали его.

— Ох, обязательно! Но вначале я схожу в библиотеку.

— А потом расскажешь, честно? — укоризненно спросил Джон. — Обещаешь?

— Да.

Я очень сердилась на Карла. Как он мог! Поставил меня в неловкое положение...

Мы пошли к библиотеке. Мой спутник открыл дверь и пропустил меня вперед. Внутри оказалась маленькая комната: вдоль четырех стен и в середине стояли шкафы, битком набитые

книгами и журналами. Столько книг! Какая роскошь! Расставлены по темам: наука, история, иностранные языки, оружие и техника фехтования, искусство войны, много художественной литературы. А в шкафу посередине обнаружили труды самых разных высоких жанров. В центре — классики: потрепанные тома Шекспира, изящное издание Дефо, строгий Вольтер. Даже Ломоносов стоял рядом, словно напоминая, что знания не знают границ.

Я постояла несколько секунд, вспоминая богатую библиотеку в моем семейном доме. Так же вспомнилось множество учебников, что приносила мне мама, когда мы переехали в квартиру. Вернувшись в сегодняшний день, я молча пошла изучать книги по обложкам. Карл смотрел на меня непонимающим взглядом, потом сказал:

— Не понимаю, зачем тебе библиотека?

Не оборачиваясь, я продолжала искать интересную мне книгу:

— Это глупый вопрос.

— И все же ответь.

— Зачем людям нужны библиотеки? Наверное, чтобы читать.

— Неужели тебе это интересно?

— Неужели лучше показывать свою необразованность? Книги — это мосты в другие миры. Они учат меня тому, чего не объяснил человек.

«Цивилизации: Древний Египет».

— Наверное, просто так я сюда бы не пришла.

Карл был поражен:

— Ты любишь читать?

«Алхимия: наука или лженаука».

— Да, я люблю читать. А ты нет?

— Ну, как сказать. Иногда.

«Спорт: от Олимпийских игр до сегодня».

— Кошмар при такой-то библиотеке! Недообразованность — бич.

— Это осуждение меня лично или в целом? — дразнился молодой человек.

«Путешествия Гулливера».

— Политику можно осуждать и обвинять. Ведь нет ничего проще, как найти проблему. Сложнее ее решить, к чему люди чаще бывают не готовы. Хотя мы Великая Империя. Учитывая, что сравнительно недавно мы купались в помоях и фекалиях. А вот у них уже были акведуки...

Я постучала пальцем по корешку «Великая Римская Империя».

— И никакой нравственности, — проговорил Карл.

Его взгляд стал внимательнее, будто он впервые увидел во мне собеседника. Впрочем, я тоже впервые говорю с молодым человеком, который может поддержать тему падения Рима.

— Человек всегда будет недоволен отношением правителя к народу. Эгберт — хороший человек, но всегда хочется большего. Я возьму эту книгу почитать?

Карл, удивленный, что я говорю о короле как о знакомом, не стал вдаваться в расспросы, а просто ответил:

— Да, бери, только не забудь вернуть.

Я наконец оторвалась от книг и злобно посмотрела на Карла.

— Предпочитаешь быструю смерть или медленную?

— Не понимаю?..

Я начала приближаться к нему:

— Все висело на волоске. Я солгала этим любезным людям, а ты хочешь все испортить? А что, если бы мне пришлось открыть свое истинное имя? Что бы они подумали? «Солгала насчет имени — значит, будет лгать и во всем остальном». Они перестали бы мне доверять! Мне стыдно было бы показаться им на глаза!

Я остановилась прямо перед Карлом с невинным, обиженным видом. Я сделала вид, что обижена, но Карл лишь усмехнулся. Мой прием не сработал. Наверное, все было слишком наигранно. Он фыркнул и сказал, глядя прямо мне в глаза:

— Дамана, ты не из тех людей, которых волнует, что о них думают и говорят.

Я молчала. Карл был неправ: я всегда стремилась нравиться людям. Это мой недостаток, и зачем в нем признаваться? Я улыбнулась с досадой и восхищением. Мы стояли друг напротив друга. Карл тоже улыбнулся:

— Ладно, пойдем. А что за книга?

— «Два трактата о правлении». Хочу научиться управлению и власти. С тобой пока не получилось.

— Ты о чем?

— Я не хочу, чтобы они знали мое имя.

— Обещаю, от меня они его не узнают. Но за маму не ручаюсь. Вдруг мы сейчас выйдем, а там моя мама, она уж точно назовет тебя Даманой.

— Ты выйдешь первый, напомнишь миссис Норрис, а я появлюсь позже.

— Да ты стратег! Тебе эта книга ни к чему. Ты и без нее станешь политиком!..

— Не хочу. Женщине это не к лицу.

Карл едва скрылся за дверью, как миссис Норрис громко спросила:

— Карл, а где Элизабет?

Она назвала меня Элизабет, причем без запинки. Я обрадовалась и вышла из библиотеки. Карл стоял недалеко от двери, разочарованный проигрышем. Я бросила на него хитрый, самодовольный взгляд и направилась к миссис Норрис:

— Вы меня звали?

Она взяла меня за руку и повела в центр гостиной.

— Ты знакома со всеми?

— Вроде бы да.

Все смотрели на меня и чего-то ждали. Миссис Норрис торжественно сказала:

— По старой доброй традиции нашего дома каждый новый житель должен рассказать о себе.

— Да, Элизабет, ты обещала, — вспомнил Джон.

— Зачем?

— Чтобы познакомиться, — объяснила миссис Норрис. — Мы все — почти как одна большая семья.

Карл еле сдерживался от смеха: ему было ужасно интересно, как я выкручусь.

Взрослые сидели в креслах и на диванах, а дети — на ковре. Они с любопытством ждали рассказа. Даже миссис Тайлер оторвалась от газеты. Я быстро продумывала, о чем опять солгать.

— Семья... я не знаю, что это такое. Меня зовут... Элизабет Тейчер. — Голос чуть дрогнул, но я продолжила: — Когда-то жила здесь, потом семья переехала. Родители... решили проверить, смогу ли я жить одна. Я сама так захотела. — Я выдержала паузу. — Так что жалеть меня не стоит. В любой момент они могут забрать меня обратно. Все.

— Интересная история. Меня зовут мистер Браун. Приятно познакомиться.

— А я — миссис Браун.

— Рада знакомству.

— Что за книга у тебя? Ты умеешь читать? — назойливо спросила миссис Тайлер.

— Я выросла в доме, где книги были важнее украшений. Французский — мой второй язык, а конь — верный друг.

— Да ладно, — фыркнул мистер Смит. — Брось.

— Вы мне не верите?

— Ложь, — ее голос был тихим, но твердым. — Мы все это чувствуем.

— Ну, тогда проверьте.

Миссис Тайлер небрежно продиктовала примеры — простые, почти детские. Я очень быстро и верно отвечала. Потом она спросила:

— Кто написал Библию?

— Если верить ей, — я слегка наклонила голову, — то Бог и человек. — Пауза. — Но над ней трудились переводчики, переписчики... Кто знает, сколько ошибок закралось в текст? Во благо или от безграмотности?

Все застыли в изумлении. Я продолжала, любуясь сама собой:

— Не сошла же книга с небес...

Многие посмотрели на меня с уважением. Как я позже узнала, раньше никто не смел перечить миссис Тайлер, а теперь у нее появился значительный соперник. Та не хотела сдавать позиций и продолжила:

— Ладно, допустим...

— Допустим? Вы что! — в возмущении сказала миссис Норрис. — Замечательная девочка!

— Хорошо, она знает элементарные науки, о Библии... Но это еще не все.

Миссис Тайлер встала с кресла, швырнула газету на стол и направилась к книжному шкафу около двери в библиотеку. Я молча посмотрела на Карла: «Почему ты не показал мне этот шкаф?», а он пожал плечами: «Забыл».

Миссис Тайлер протянула мне синюю книгу и сказала:

— Вот, читай. Я знаю его наизусть.

Я замешкалась, и та посчитала это поражением.

— Вот и раскрылась тайна! — Миссис Тайлер повысила голос. — Ты не умеешь читать! Зачем ты нам морочила голову?!

Меня это привело в бешенство! Неужели ей так важно меня унижить? Я взглянула в книгу и стала читать быстро, четко и с чувством.

Оказывается, я люблю вкус победы! Джон захлопал в ладоши, его поддержали остальные.

Миссис Тайлер была поражена. Она пыталась выкрутиться из неловкого положения, а я лишь стояла, не двигаясь, и смотрела на нее, как победивший на проигравшего. Сначала она тоже не сводила с меня глаз, но потом опустила их:

— Что ж, неплохо.

Она медленно подняла газету, словно собирая остатки достоинства, и опустилась в кресло.

— Молодец, — сказал мистер Смит. Его поддержали остальные. Потом каждый занялся своим делом, продолжились разговоры. Миссис Норрис и Карл подошли ко мне.

— Ну ты молодец! — сказала миссис Норрис и перешла на шепот: — Я всегда ее недолюбливала, здесь никто не любит, но никому еще не удавалось ее поставить на место! Так держать. — Тут она перестала говорить шепотом. — Давай Шекспира, я и его поставлю на место.

Она улыбнулась каламбур и удалилась. Я бросила на Карла взгляд — не без вызова, но уже с улыбкой.

— Ты хочешь, чтобы я тебе сказал: «Молодец»?

— Карл, я от тебя вообще ничего не хочу, — ответила я, ехидно улыбаясь.

— Ладно, так уж и быть. Ты молодец.

— Отлично. Прямо камень с сердца. Пойду к себе почитаю.

— Нет, ты не можешь! — вдруг вмешался Джон.

— Это почему же?

— Почитай нам что-нибудь! — ответила мягким голосом Милли. — Взрослые заняты, кроме миссис Тайлер. Но она не будет нам читать.

- Она никогда не читает, — подтвердил Сэмми.
- Почему ты так говоришь? — спросила я. — Она же твоя мама!
- Да, и мы ее любим, — ответил Сэмми. — Но она не хочет нам читать! Никогда!
- Карл одобрительно кивнул. Я сказала детям:
- Ладно. О чем вам почитать?
- Про героические сражения, — сказал Джон.
- Нет, — возразила Лиза. — Про любовь!
- Фу-у-у, — сказал Сэмми. — О героях!
- Не обращай на них внимания, — сказала Милли. — Я хочу сказку!
- Нет, — возразил Джон.
- Да, — сказала Милли.

Спор разгорался: Джон настаивал на героях, Лиза — на любви, Сэмми фыркал, а Милли упрямо повторяла: «Хочу сказку!» Голоса сливались в неразборчивый гомон.

— Тихо, тихо! — не выдержала я. — Давайте сделаем так: сегодня мы начнем со сказки, а в другой день, что-нибудь другое. Согласны?

- Да!
- Отлично! Пойду за книгой.

В библиотеке я стала искать сказку и засыпать Карла вопросами:

- Кто сидит с детьми, когда их родители работают?
- Когда как. Или мама, миссис Норрис, или миссис Ричардс.
- Но твоя мама говорила, что она почти не выходит из комнаты.
- По будням, когда все работают, она сидит в гостиной с детьми.
- А Кейт и миссис Браун работают?
- У нас все работают, кроме миссис Ричардс.
- А почему миссис Тайлер так вежлива с тобой?
- Как сказать... Я когда-то был женихом ее дочери. Она уехала на север год назад.

Вестей не подает.

- Прости. Ты был обручен?
- Да. Ничего, не переживай. Сам я давно успокоился.
- Ты ее любил?
- Сложно сказать. Я был к ней привязан, так будет правильной. Но из всех женщин, что

я встречал, она была лучшей. Ты нашла книгу?

— Вроде бы да. Сказка про какого-то щенка. Подожди, если тебе сейчас двадцать лет, то кебменом ты работаешь с пятнадцати?

- Мне еще нет двадцати, но да. А тебе?
- Угадай.
- Восемнадцать?
- Шестнадцать. Не ожидал?
- Нет. Не удивлен.
- Чем сейчас займешься?
- Послушаю, как ты читаешь.
- Тебе интересна судьба этого щенка?

Я повернула книгу обложкой вперед. На ней был изображен несчастный добрый щенок.

— Еще как! Захватывающая, наверное, история.

Когда мы вышли, дети ждали меня на диване. Карл тоже сел, посадив себе на колени Милли, а я примостилась на стуле и стала читать.

Сказка оказалась довольно скучна, и, чтобы дети не потеряли интерес, я старалась читать с выражением и иногда изображала то, что происходит в книге. Считаю и Браунам я, похоже, понравилась, но миссис Тайлер оставалась сухой и неприступной.

Примерно в два часа дня я закончила читать. Дети расстроились и стали требовать еще. Но я сказала, что устала, пообещала почитать позже. До конца своей жизни я завоевала маленькие сердца этих человечков.

Настало время обеда, и Норрисы опять пригласили меня к себе. Отказывать не стала, потому что уже немного привыкла. Меня не покидало чувство долга перед миссис Норрис — будто я невольно приняла слишком много.

После обеда Карл ушел по делам, так что целый день я провела с Джоном, Сэмми, Лизой и Милли. Мы играли, рисовали, они мне рассказывали про свои семьи, а я с радостью слушала. Так я узнала больше о своих соседях.

Тайлеры — ортодоксальная семья, гордящаяся своими корнями. Их отец умер от болезни. В те годы чума, оспа, чахотка убили много людей. Миссис Тайлер всегда была очень строга; возможно, потому и сбежала Салли, с которой обручился Карл. Салли была непокорной и не слушалась матери. Тяжелее всего расставание переживал Сэмми. Они были самые близкие друг другу люди, потому он до сих пор несчастен. У миссис Тайлер очень хорошая работа, она получает достаточно для матери-одиночки. Могла бы платить за учебу детей, но не хочет зря тратиться, как сама говорит; могла бы учить их сама, но занята шесть дней в неделю, не хватает времени.

Семья Браунов — вернулись обратно из Америки. Провели там почти всю свою жизнь, там же женились и родили первого ребенка. С грудничком вернулись на родину. В Америке ужасная обстановка: враждебное, почти на грани войны отношение северян. Рабство. Эмма и мистер Браун не хотели, чтобы их дочь там росла. Женщина хочет завести второго ребенка, мечтает о мальчике.

Смиты тоже местные. Раньше они были очень богаты, потом разорились. Работают оба, и муж, и жена, и денег хватает на пропитание и на аренду квартирки у миссис Норрис. Постоянного заработка нет, и Смиты не могут себе позволить дать сыну полноценное образование.

Так прошел этот день — день знакомства и представления.

Все начали расходиться около десяти вечера. В гостиной стояла полная тишина. Я сидела одна в кресле, смотрела в темноту и прислушивалась. Кто-то идет, стучит каблуками — женщина. Какая женщина может не спать в этом доме так поздно? Конечно, миссис Норрис.

Открылась дверь. Я увидела ярко горящую свечу, а потом — и миссис Норрис.

— Все еще здесь? — спросила она. — Почему?

— Не знаю, — ответила я. — Просто сижу и думаю над тем, что сегодня было.

— Ты не ужинала. Хочешь, попьем чаю с круассанами?

Я поджала под себя ноги и сказала:

— Нет. Спасибо, почему-то не хочу.

— Ты еще тут будешь сидеть?

— Да, но недолго. Скоро пойду к себе.

— В темноте? Ну-ка, подожди...

Миссис Норрис нашла свечу на столе, где рисовали дети, зажгла ее от своей и поставила на стол.

— Вот, теперь лучше. Ладно, спокойной ночи, Дамана—Элизабет.

— Спокойной ночи, миссис Норрис.

Она закрыла дверь и ушла.

Пламя свечи дрожало, отражая мое беспокойство. Я следила за ним, будто оно могло подсказать ответ.

Что сейчас происходит в приюте? Как мне заработать денег? Что будет, когда обо мне напишут во всех газетах и напечатают мои портреты? Вчера эти вопросы приводили меня в ужас, сегодня я успокоилась. Все мои мысли сами собой возвращались к Карлу. Неужели я влюбилась в него? А может, так и есть. Но два дня — слишком малый срок, чтобы влюбиться.

Хотя его обаяние, нет, красота, могла привлечь любую. Почему мне так легко, когда я его вижу, и так тяжело одной? Может, это не любовь, а простое влечение. Мне всего шестнадцать. А может, мне не хватает друга? Да, наверно, так и есть. А что тогда такое любовь? Я никогда ее не испытывала. Если это любовь, почему я отвергаю свои чувства? Говорят, любовь прекрасна! Но и причиняет боль. Но все же на любовь это не походит. В романах пишут совсем не о том. Ладно, время покажет. Его взгляд сегодня — долгий, изучающий. Будто он видел во мне что-то, чего не замечал раньше. И почему меня так беспокоит то, что он был обручен?.. Неужели та девушка так и останется для него лучшей? Ведь сейчас мне хочется, чтобы Карл так говорил только обо мне!

С такими мыслями я пошла к себе. Взяв свечу, направилась к лестнице. Весь дом спал. Тишина обволакивала, будто приглушая даже мои шаги. Я ступала почти на цыпочках, боясь нарушить этот хрупкий покой. На середине лестницы я замерла. Шеи коснулось что-то — не ветер, а ощущение взгляда. Я резко обернулась: темнота. Только тени от перил дрожали на стене. Но за моей спиной никого не было. И я продолжила подниматься на третий этаж.

В комнате я зажгла другие свечи, переоделась и легла в кровать. Вдруг кто-то постучался. Неожиданно! Но меня это обрадовало: спать еще не хотелось. Слишком много впечатлений и мыслей в голове!

Я прямо в ночной рубашке ринулась открывать дверь. Карл. Я не сразу узнала его в полумраке коридора — только силуэт и блеск глаз. Стояла перед ним прямо в легкой ночнушке. Я никогда не смущаюсь, не смутилась и в этот раз. А Карл заметно растерялся и протянул:

— Э-э-э...

— Лень переодеваться, — пояснила я. — Не пойми неправильно. Я довольно скромна, но не умею смущаться.

— Спасибо, что разъяснила, — в его голосе я почувствовала сарказм.

— Пожалуйста, — иронизировала я в ответ. — Что же тебя привело сюда в столь поздний час?

— Это, — он протянул мне книгу, которую я недавно взяла в библиотеке. — Ты, видимо, ее забыла, когда мы обедали.

Карл старался на меня не смотреть, отворачивался или глядел вскользь.

— Спасибо, что принес, — я взяла книгу. — Слушай, мне сейчас нечего делать, может, сядешь, расскажешь о себе?

— Ты будешь в подобном облике?

— А что, лучше совсем раздеться?

— Я совершенно другое имел в виду, — пробормотал растерянный Карл.

— Я шучу. Накроюсь одеялом.

Он улыбнулся и перешагнул порог. Я села на кровать и укрылась. Но мое сердце чуть замерло! Портрет моей семьи стоял на комод, на самом видном месте. Карл пока его не заметил. Нужно убрать рисунок, пока не поздно. Я медленно подошла к комоду, открыла верхний ящик, где лежали мои бумаги, и переложила портрет туда. Последнее мое движение от Карла не скрылось — он спросил:

— Что это?

— Что — «что это?» — ответила я вопросом на вопрос.

— Ну, ты положила в ящик. Это твоя семья?

— Нет, просто рисунок. Неважно. Где ты сегодня был?

— Были дела. Ну и по работе узнал, что послезавтра хозяин велел мне работать с шести утра до полуночи. Обычно я два дня работаю, потом два дня отдыхаю. Кстати, тебя бы познакомить с моим лучшим другом Томом Холлом.

— Почему?

— Он тоже любит литературу. Даже часто говорит стихами. Том мечтает стать писателем и актером.

— Говорить стихами — редкий дар, — улыбнулась я. — Хотя, если честно, мне больше нравится читать их, чем сочинять. А у тебя много друзей?

— В городе меня знают многие — работа обязывает. Но настоящих друзей немного, и я ценю их. Том, Дэвид Профт, Дженни Рекс и Пэт Уэйс. Самый старший — Дэвид, ему двадцать один, а Дженни — младшая, ей семнадцать. С Пэт у нас было что-то вроде взаимного увлечения, но вскоре я в ней очень разочаровался.

— Почему?

— Оказалась очень ветреной. А мне нужна верная девушка.

— Измена — это ужасно. И что, она тебе изменяла?

— Наша связь не успела стать достойной обручения. Так что невозможно назвать это изменой, я вовремя все узнал. К Дженни я отношусь совсем иначе. Она вечный ребенок, ее невозможно не любить! Дэвид — самый мыслящий и смелый, ничего не боится. Том... ну, я думаю, ты сама решишь, кто из нас чего стоит.

Карл задержал взгляд на мне, будто решая, стоит ли говорить то, что вертелось на языке.

— А ты... — начал он. — Не дочь ли графа Брустера-младшего?

Я немного испугалась, но не подала виду.

— Что? Ты шутишь?

— Наверное, показалось. Просто, когда ты изменила прическу... ты... ты стала на него похожа.

— Чем это, интересно?

— Да всем! Цветом волос, глаз! Даже лицо похоже. Моя мама тоже заметила. Имя и фамилия совпадают. Как это понимать?

— А как бы ты хотел?

— Неплохо, окажись ты его наследницей. Граф был хорошим человеком. Погиб — и народу стало плохо. Конечно, есть и другие борцы и лидеры, но сэр Брустер был любимцем многих! Его планы разделял даже король. Многие до сих пор вспоминают его с благодарностью. Конечно, находились и те, кто не разделял его взглядов, но для простых людей он был настоящим защитником. Так что было бы неплохо. Но преклонять перед тобой колени, учтиво разговаривать... Это не укладывается в моей голове.

Меня очень порадовали слова Карла о моем отце, о том, что я на него похожа. Его слова отозвались теплом в груди. Хотя я еле сдерживала улыбку, от нее избавиться не удалось. Я решила этим воспользоваться:

— Согласна, граф был великим человеком. И оказаться на месте его дочери было бы для меня огромной честью, но, увы, я не его дочь. Неужели ты думаешь, что в моих жилах течет благородная кровь? Как глупо!

— Нет. Это не глупо. Твоя осанка, манера держать себя, эрудиция и гордость позволяют подумать, что ты аристократка.

— Ты просто не видел меня с другой стороны.

У Карла стали слипаться глаза.

— Меня клонит в сон.

— Да, уже довольно поздно.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Карл ушел. Я встала погасить свечи и легла обратно в постель. Уснула я довольно быстро, а снов опять не снилось.

Говорить с Норрисом очень легко и приятно. Мне казалось, я убедила Карла, что не имею отношения к семье графа. И все же у меня оставалось много вопросов. Когда мой отец умер,

я с матерью еще жила в усадьбе. Нас постоянно осаждали газетчики, а когда мы рассчитали прислугу — их стало еще больше. Потом мама продала дом, и мы переехали. А газетчики будто сквозь землю провалились. Почему? Не понимаю. Загадка. Тут что-то неладно. Мы жили очень замкнуто. Мама никогда не давала мне газеты, говорила, нельзя читать то, что там пишут; запрещала лишний раз выходить на улицу. Зачем? Чтобы мы не мелькали. Почему? Если бы о нас слышали, я уверена, король бы нам помог! Странно жить и не знать точно прошлого. Одни вопросы без ответов. А может, это и к лучшему? Нет. Нужно знать о прошлом, даже если оно не из лучших. Но думать об одном и том же нельзя. Жизнь продолжается, вопросов прибавляется, и надо отвечать на новые. Но при этом найти ответы и на старые...

30 марта 1770 года. Понедельник

Я проснулась около часу дня в хорошем настроении, даже не подозревая, что меня ждет. Умылась, оделась, причесалась и вышла из комнаты. Всюду тихо: все на работе. Спускаясь по лестнице, я услышала разговоры детей.

На первом этаже в коридоре никого не было. Я направилась в сторону комнаты миссис Норрис и ее сына. Но, проходя мимо стойки, заметила заголовок газеты: «Беглянка из...». Меня будто молнией пронзило. Я схватила газету — новую, еще не развернутую. Объявление обо мне было на первой полосе. Я открыла следующую — и ужаснулась! Мой портрет почти на всю страницу!

Я сложила газету и мигом побежала к себе в комнату. Прыгнув в кресло, я стала читать.

«Беглянка из богоугодного заведения»

«Срочно! Сегодня стало известно, что некая Дамана Брустер сбежала из приюта. Она пропала в ночь на 28 марта. И спустя два дня управляющие смогли сообщить об этом. Почему так поздно? Дамана Брустер оказалась умна: сбежав, заперла ворота изнутри, лишив стражников доступа! А выйти оттуда другим путем невозможно. Пришлось ломать ворота.

Как же этой девочке удалось убежать? Каждый час охранник обходил территорию приюта, и она воспользовалась этим. Судя по всему, Дамана искала ключи в сторожке. Комната была перевернута. Но самое страшное — она стала убийцей! Нанесла смертельный удар тяжелой фарфоровой вазой».

Я остановилась, чтобы успокоиться. Не может быть! Да, признаюсь, я его ударила, но он... он... он не двигался, у него из головы пошла кровь... Выходит, я убийца. Я убила человека! Нет! Что же мне делать?!

Шаги сами собой вычерчивали зигзаги по потертому ковру. Мне стало страшно, но не из-за приюта — появилась причина посерьезнее. Я убила человека, и дорога мне уже в тюрьму.

Что делать? Я ведь не нарочно, случайно. Я не хотела его убивать. Не хочу жить с клеймом убийцы! Как это стыдно! Вдруг мои новые соседи узнают?

Я внимательно осмотрела рисунок в газете. Может, и не узнают. Они не видели меня такой. Хорошо, прямо камень с души. А как же миссис Норрис, Карл и продавец в лавке, у которого я покупала мыло? Надо рассказать все миссис Норрис. Я ринулась к двери. Нет, я потом. Дочитаю статью.

«...Просьба всем, кто видел ее, обратиться в органы власти. Дамана Брустер, год рождения — 1753, выглядит старше своего возраста. Рост: сто семьдесят сантиметров. Худое телосложение. Невзрачное лицо. Серые глаза. Темные волосы. Одета в темную юбку ниже колена и серый жилет.

Предупреждаем: Дамана Брустер может быть душевно неуравновешенной, очень опасной, будьте осторожны! Еще раз просим тех, кто ее видел, сообщить властям».

Я села на кровать и, грызя ногти, стала размышлять. Кто бы мог подумать, что эта «малолетняя убийца» и есть дочь графа Брустера! Если бы королевство позаботилось о нас с мамой, ничего этого не случилось бы. Как поступить? Рассказать правду миссис Норрис и попросить ее не выдавать меня? Или сбежать и отсюда? Я думала долго и выбрала первое.

Выйдя из комнаты, я стала медленно, очень медленно спускаться по лестнице с газетой в руках. Недалеко от первого этажа услышала чьи-то голоса.

— Мне нужна хозяйка этого заведения, — сухо говорил мужчина.

— Это я, — сказала миссис Норрис. — А что вам нужно?

Инспектор представился, послышался озадаченный голос Карла. Полицейский коротко рассказал причину своей явки. Имя ударило, как хлыст. Воздух застрял в горле. Я вжалась в стену, будто хотела раствориться в ней. Наступило молчание. Миссис Норрис и Карл явно не ожидали услышать обо мне от офицера. Все, конец свободе! Они выдадут меня.

— Нет, мы ничего не слышали, — ответил Карл.

— Мы пока не читали газет, — добавила миссис Норрис. — А кто это такая? Ее в чем-то обвиняют?

Офицер стал рассказывать о моем побеге. Почему они молчат? Почему не называют мое имя? Неужели... прикрывают меня? Карл, наверное, испытывал ко мне какие-то чувства. От этого не легче! Что, если его «любовь» пропадет, когда офицер закончит свой рассказ?.. Настало гнетущее молчание. Миссис Норрис и Карл наверняка так разочарованы.

— Нет, этого не может быть! — сказала миссис Норрис, почти трясясь. — Какой кошмар!

— Офицер, — спросил Карл, — вы уверены в этом?

— Полностью. Так вы видели ее? Продавец напротив рассказал, что она зашла к нему, а потом направилась к вам. Это правда?

Опять молчание.

— Ну-у-у, — протянула миссис Норрис. — Позавчера заходила девушка, подходящая под описание. Просила приюта. Но была такая грязная и невзрачная, что я не рискнула ее брать. Я сдаю комнаты приличным людям, и у каждой семьи есть дети... Она ушла и больше не возвращалась.

От радости у меня стали наворачиваться слезы на глаза. Я не верила в то, что слышала. Никогда не забуду этой доброты и при первой возможности постараюсь отплатить той же монетой!

— Вы видели эту девочку? — спросил офицер у Карла.

— Нет, я работал. Я кебмен...

Голос Карла был отрешенным и расстроенным. Вот тогда мне стало не по себе. Я словно не оправдала их надежд.

— Понятно. Последний вопрос. Куда ушла бандитка?

— Как выходишь из парадной двери, сразу же налево. Пошла вдоль зданий.

— Благодарю за сотрудничество. Если что-нибудь о ней узнаете, сообщите нам. До свидания.

— До свидания.

Офицер захлопнул дверь, и стали слышны голоса миссис Норрис и Карла.

— Правильно ли мы поступили, что покрыли преступницу?

— Не знаю, — ответил Карл, — не верю, что Дамана — убийца. Надо поговорить с ней. Я вытерла слезы и вышла им навстречу.

— Дамана! — воскликнула миссис Норрис. — Скажи, что это неправда!

Карл смотрел на меня взглядом, полным негодования. Я понимала, что они хотели бы услышать о клевете, но ничем успокоить их не могла! Кто бы меня успокоил...

— Идемте ко мне, я все вам расскажу, не скрою ни слова! Обещаю...

Комнату я закрыла на ключ. Карл сел в кресло, а миссис Норрис — на кровать. Газета легла на стол, как улика. Я выпрямилась, чувствуя, как дрожат колени. Слова давались с трудом:

— Я графиня Дамана Брустер, дочь и наследница графа Брустера—младшего. Твоя вчерашняя догадка, Карл, была верной.

— Дамана, это не смешно! — чуть не крикнул он. — Ближе к делу. Зачем ты убила сторожа?

— Не кричи, Карл, — сказала я внушительно. — Мне сейчас гораздо тяжелее, чем тебе и миссис Норрис вместе взятым! Шутить я не собираюсь. Я действительно графиня.

— Докажи, — сказала миссис Норрис.

— Слишком много совпадений, — ответила я. — Фамилия, имя, дата рождения, образование, аристократические навыки, черты характера, внешность. Почему я солгала остальным насчет имени? Избавить их от мысли, что я — та Дамана Брустер. Сейчас, когда мое имя всплыло в газетах, они не подумают, что это я. Но если все равно сомневаетесь — вот вам последнее доказательство.

Я подошла к комоду, где вчера спрятала портрет своей семьи.

— Карл, помнишь, я вчера убрала сюда какую-то бумагу?

— Да.

— Это портрет семьи Брустеров. Моей семьи.

Я отдала Карлу портрет. Миссис Норрис под села к нему. В их глазах я видела удивление, восхищение и недоумение.

— Я, правда, там совсем маленькая. Но все равно немного похожа. Мне здесь семь лет. Через год умрет папа, и начнется самое страшное.

— Но как, — спросила миссис Норрис, — как это возможно? Графиня Милли Сьюзер и ее дочь пропали без вести?

— Без вести? Мы никуда не пропадали, — с недоумением ответила я. — Расскажите мне, что известно о семье Брустеров после смерти графа?

— Немного, — ответила миссис Норрис. — Лорд Брустер умер от болезни, скорее всего, от оспы.

— Никто не знает наверняка, от чего он умер, — сердито проговорил Карл. Он был очень зол. Встал с кресла, подошел ко мне. — Тогда объясни, почему ты жива?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я молчала.

— Отвечай!

— О чем ты говоришь? — медленно спросила я.

— Ты знаешь, о чем! Почему ты жива, раз ты графиня Брустер?

— Я не понимаю, о чем ты, Карл! Что ты имеешь в виду?

— То, что Милли Сьюзер и Дамана Брустер умерли! Они похоронены!

Руки безвольно повисли. Воздух будто исчез из комнаты. Карл замер, заметив, как кровь отхлынула от моего лица, вмиг стал более мягок. Посмотрев в пол, я шагнула назад. Меня кто-то похоронил?.. Я не знала, что и сказать.

— Дамана! — вопросительно и обеспокоенно окликнул меня Карл.

Я взялась за голову. В ней зародилась такая тяжесть, которую я никогда не испытывала. Обрывисто выдохнув, я спросила:

— Даману Брустер и Милли Сьюзер похоронили?

— Об этом писали в газетах, — пояснила миссис Норрис.

В приюте мы в глаза не видели газет. Но у меня не было сил объяснять это миссис Норрис и Карлу.

— Но король знал моего отца. Эгберт уважал мою мать... Как он позволил это сделать?

— Ты как никто другой должна знать, что король полной власти не имеет, — ответил Карл.

— Да, это правда, — сказала я. — Но уровень авантюры — сомнителен...

— И все же вернемся к тебе и твоей матери, — сказала миссис Норрис. — Я читала в газетах...

— Вот почему...

Я поняла, почему меня высмеивали в приюте, когда я говорила, что я графиня.

— Простите, миссис Норрис. Что вы хотели сказать?

— Я читала в газетах, что графиня Милли Сьюзер продала дом и переехала с дочкой в неизвестное место. Они жили тихо.

— Они просто пропали без вести, — добавил Карл.

— Умерли? Мы не умирали!

— Значит, ты жива, твоя мать жива! — радостно воскликнула миссис Норрис.

— Нет, — ответила я. — Она мертва.

— Я совсем запутался, — не понял Карл.

— Я тоже, — подхватила миссис Норрис.

— И мне не легче, — сказала я.

— Ладно, рассказывай, кто ты такая, — предложил Карл. — Только по порядку.

— Да, — подтвердила я. — Думаю, так будет лучше. Я родилась пятого декабря 1753 года. В 1762 году у меня умер папа.

Я коротко пересказала, что со мной и мамой происходило после смерти отца. Мои слушатели внимали каждому слову, практически не дыша. Я продолжала:

— Когда мы жили в усадьбе, нам не давали покоя журналисты, но как только мы переехали, они исчезли. Через день после смерти мамы меня отправили в приют. И странно, мне не давали никакой поблажки, а когда я пару раз заявила, что я графиня, меня просто подняли на смех! Из-за этого надо мной издевались, я стала изгоем. Однажды мне это надоело, и 28 марта я сбежала. Газеты не врут: я прошла через центральные ворота и забежала в сторожку за ключами. Я услышала, что идет сторож, и ударила его вазой по голове. Я думала, он упал без сознания, но, как видите, я его убила. Взяла ключи с пояса охранника, вышла через ворота, заперла их и выкинула ключи в болото. Добралась до дороги, уходила прочь от этой тюрьмы. Там встретила тебя, Карл, ты привез меня сюда.

Мой рассказ их удивил. Еще бы: кого не удивит подобная история! История про графиню, которая лишилась родителей, попала в приют и сбежала, случайно убив сторожа. Не верится, что можно убить случайно? Окажитесь на моем месте, и вы меня поймете.

К счастливому удивлению, лицо Карла было восхищенным. А миссис Норрис, похоже, до сих пор не могла поверить в волнующую истину.

— Подожди, — сказал Карл. — Ты сказала, что вы с матерью переехали в квартиру. В какую?

— В ту самую, про которую столица любит рассказывать истории, — ответила я загадкой, но они ее тут же разгадали.

— Ты шутишь! — воскликнула миссис Норрис.

— Нет. Этот портрет я взяла там. Там еще много вещей, дорогих мне. Хотите, поедem туда? Это будет отличным доказательством того, что я графиня... И что я жива.

— Нет, спасибо, — сказала миссис Норрис. — Я не горю желанием. И вам обоим тоже запрещаю.

— Ты нам запрещаешь? — спросил Карл. — Мама, перед нами стоит дочь всеми любимого графа!

Мать и сын переглянулись. Внимательно посмотрели на портрет и на меня. И сделали то, чего я больше всего боялась. Нет, не отдали меня властям; они переглянулись, потом на портрет, потом на меня. Миссис Норрис слегка наклонила голову, будто примеряясь к поклону. Карл застыл с приоткрытым ртом. Я нахмурилась и в возмущении сказала:

— О нет, только не это! Я не полноправная графиня. И вы не обязаны ничего подобного делать.

— Как угодно, — сказала миссис Норрис.

— Да о чем вы! Я все та же Дамана! — воскликнула я. — Не надо со мной так говорить!

— Но как же, — возразил Карл, — ты ведь благородная графиня!

Немного скептическую шутку я встретила равнодушным парированием:

— Достопочтенная...

— Что?

— «Благородный» — это обращение к виконту...

Карл осекся. Я не хотела его обвинять в невежестве или некомпетентности, просто преподнесла это как информацию. Даже не подумав о том, что могу кого-то скомпрометировать этим.

— Графы в иерархии стоят выше, — пояснила я, далее стараясь смягчить обстановку. — Но это совсем не важно. Забудь! Что я графиня, еще нужно доказать...

— Ты отвергаешь свое истинное лицо, — воскликнула миссис Норрис. — Это неправильно! Ты должна быть в парламенте! И закончить то, что начал твой отец, — борьбу за народ.

Я улыбнулась импульсивности и наивности домохозяйки. Карл был смущен таким поведением мамы.

— Миссис Норрис, меня туда никто не пустит. Я — женщина. В государственных делах участие принимать не могу. По крайней мере, напрямую. А так как я теперь еще и «малолетняя убийца», то стоит отбросить иллюзии, что я могу за что-то бороться? Король не поверит, что я дочь его друга. Правда, я могу показать этот портрет...

— И не только этот, — добавил Карл. — Еще многое из вещей, которые остались в твоей старой квартире.

— Допустим, докажу, что я графиня, а что делать с прозвищем «малолетняя убийца»? Меня посадят за это.

— Еще посмотрим, — миссис Норрис сжала мою руку. — Тебе ведь всего шестнадцать? Время есть... Через несколько лет ты заявишь о себе. К тому времени все забудут о том происшествии, и народ будет так рад, что тебя никто не даст в обиду!

— Верно, — согласилась я. — Я ни разу не думала об этом.

— Графиня! — вздохнула миссис Норрис. — Кто бы мог подумать. Для меня честь принимать тебя здесь! За комнату можешь не платить.

— Нет. Я буду платить, хотите вы этого или нет.

— Благородно, — заметил Карл.

— Кровь водой не разбавишь, — откликнулась я, и впервые за долгое время мы дружно улыбнулись.

— Если ты желаешь платить за комнату, — продолжала миссис Норрис, — тогда позволь тебя хотя бы кормить.

— Мы настаиваем, — поддержал маму Карл.

— Вы великолепно готовите, — призналась я. — От этого отказаться невозможно.

— Отлично, — подытожила миссис Норрис. — Так ты на самом деле знакома с королем?

— Я видела его лишь мельком. Мы не были знакомы — только кивки и вежливые фразы при встречах. Отец и король были приятелями еще до коронации Эгберта. Он говорил, как я выросла и что хорошою с каждым днем. Очень приятно услышать такое от короля.

— Еще бы! — согласился Карл. — Я думаю, тебе надо писать автобиографию. И опубликовать перед смертью.

— Уже думаешь о моей смерти? — шутливо сказала я. — Не к добру.

— Нет, ты неправильно поняла...

— Я поняла, просто шучу.

Мы с Карлом опять стали смотреть друг другу в глаза. И забыли обо всем, даже о миссис Норрис, которая сидела совсем недалеко. И она напонила о себе:

— Нас тут трое...

Я обернулась, но по-прежнему чувствовала взгляд Карла на себе.

— Я не против, — сказала я.

Наступило молчание. Карл смотрел на меня, я смотрела на миссис Норрис, а миссис Норрис смотрела на нас. Меня опять стали терзать вопросы о прошлом и о родителях.

— Дамана, — обратилась ко мне миссис Норрис спустя некоторое время. — Карл. Пообещайте, что вы ни в коем случае не посмеете даже подумать о том, чтобы попасть в твою, Дамана, старую квартиру. Пообещайте!

Ее просьба ударила, как предупреждение. Я ведь только и мечтала о той квартире — там ответы, там прошлое. Карл рядом напрягся: он думал о том же.

— О боже мой! — воскликнул Карл. — Сколько времени? Мне пора идти.

— Куда? — спросила миссис Норрис. — Ты же сегодня отдыхаешь.

— Да, — ответил он, подходя к выходу. — Но я должен встретиться с Томом и остальными.

Я посмотрела на Карла с немой просьбой, чтобы он взял меня с собой.

— Да, Дамана идет со мной. Хочу ее познакомить с друзьями.

— Сначала дайте обеща... — начала миссис Норрис.

— Мы спешим, мам! — перебил ее Карл, и мы убежали.

— Интересно, как скоро они поедут в эту мрачную квартиру... — пробормотала миссис Норрис себе под нос.

Мы с Карлом со смехом вылетели на улицу и отчего-то свернули налево. Конечно, никакой встречи с друзьями не было. Мы шли куда глаза глядят.

Минут пятнадцать мы не разговаривали. Я дрожала, боясь, что меня кто-то узнает, и не поднимала лица, закрыв его волосами. Мрачной волной меня накрывали тяжелые мысли об охраннике. К горлу подступала тошнота, голова кружилась и бросало в пот... Я убийца! И в момент, когда я почти готова была потерять сознание, меня словно кто-то погладил по голове, и я вспомнила, как тот охранник надругался над одной из воспитанниц приюта. Как он бил детей за малейшие проступки! Я была уверена, что это меньшее из его прегрешений. Мне стало легче. И я посмотрела на Карла, который встревоженно смотрел на меня. Видимо, я побледнела. Но, вспомнив эти прегрешения охранника, я смогла успокоиться и подойти к статусу убийцы как к возмездию. Тягость во мне присутствовала, но я понимала, что просто должно пройти больше времени, и я не буду жалеть о содеянном. Как бы кошмарно это ни звучало, дорогой читатель.

Я смогла коротко улыбнуться Карлу, и мы продолжили прогулку. Навстречу и попутно шло много народу, но никто не обращал на меня внимания. И тогда я подняла глаза, но еще не смела ни на кого смотреть пристально. Никто не кричал, не указывал пальцем. Я была просто частью толпы. С каждой минутой я становилась все увереннее. А полную уверенность, как ни странно, мне принесли двое парней, которые смотрели на меня с завлечением, а не как на преступника, убийцу. Просто мы с Карлом случайно забрели в какой-то странный переулок. Но, минув его, попали в довольно приличный парк и присели на травку под деревом отдохнуть. Последние сутки погода была абсолютно сухой.

— Тебе на самом деле двадцать лет? — спросила я.

— Да, — ответил Карл. — Почему решила уточнить?

Я опять пожала плечами, не зная, как объяснить, что вижу в нем кого-то более опытного. И следующими словами подтвердил это:

— Ты избавилась от одежды из приюта?

— Нет, — пугливо ответила я.

Но Норрис с теплом посмотрел на меня. Он был спокоен и серьезен.

— Отдай мне сегодня вечером все, что есть в описании газет. Я все сделаю.

— Почему вы мне помогаете?..

Карл всматривался мне в глаза. Не ответил на мой вопрос, но задал свой:

— Можно тебя спросить?

— Попробуй.

— Мы знакомы недолго, но этого времени мне хватило, чтобы поймать твой взгляд.

— Что?

Я не совсем поняла Карла и внимательнее вслушалась в его пояснение.

— Я имею в виду твой взгляд, когда ты одна или о чем-то думаешь. Очень сложно его описать. Иногда в них мелькает что-то... будто ты готова сразиться со всем миром. От этого взгляда хочется отступить. И главное даже не это. Главное то, что им ты способна внушать страх. Такой, что сердце сжимается и хочется бежать или поддаться. А вчера с детьми ты была совсем другой. Смеялась, наклонялась к ним... В глазах — тепло, которого я раньше не видел у других. А иногда твое лицо говорит о мудрости и воспитанности. Ты одновременно пугаешь и вызываешь к себе доверие. Это невероятно странно. Как будто в тебе живут несколько разных людей. Ты словно бы не просто человек. И это притягивает.

— О чем же ты хотел спросить? Нет, нет, конечно, я догадываюсь, но не знаю, что ответить. Ты видишь во мне то, что я не замечаю сама. Не люблю говорить о себе. У меня появляется чувство, будто я открываю свои козыри раньше времени.

— В тебе столько чувств, а где же главное — любовь?

Я усмехнулась и сказала:

— Когда мне было влюбиться, Карл? Любовь мне неизвестна. Я прошла через все, кроме нее. После всего, что было в моем прошлом, я невероятно боюсь душевной боли. Не хочу вогнать себя в угол. Думается мне, что из-за любви совершают ошибки. Хотя в то же время я это понимаю, но это для меня сейчас настолько ничтожно...

— Сейчас?

— Да. В голове — вихрь вопросов. Один ответ рождает три новых. Я тону в них.

— Значит, те истории о проклятом доме, которые все обсуждают, — полная чушь?

— Да, почти все.

— Расскажи про своего отца. Если ты не против.

— Ничуть. Конечно, больно вспоминать... Но это самые приятные воспоминания в моей жизни. Папа называл меня ангелом. И я действительно ею была: делала все, чтобы угодить родителям, чтобы они мною гордились. С самого детства мне говорили: «Делать не для себя, а во благо другим людям. А воздадут они тебе любовью». Но не настаивали, давали мне выбрать самой, как жить и что делать. Хотя я не смела противостоять отцу не только из-за принципов: я была уверена в этих словах и до сих пор верю им. Отец всегда напоминал, что в моих жилах течет кровь Брустеров и что когда-нибудь я займу его место. Кто бы мог подумать, что все так обернется! Однажды, точно не помню когда, было какое-то народное шествие. Отец повез меня в город, чтобы показать эту могучую реку. Он держал меня за руку, чтобы я не боялась. Такого столпотворения я еще не видела. Отец гордо выпрямился и молча провожал их взглядом. Я смотрела на шествие и чувствовала, как горд сейчас мой отец. Почти под конец выступления он сказал: «Запомни, Дамана: сколько людей, столько и мнений. Если ты сможешь их хотя бы выслушать, то будешь уважаема. Если нет — то они тебя сотрут». Папа учил меня добродетельным поступкам, а мама — этикету и манерам. Она всегда твердила, что женщина или девушка должна быть на треть негодяйкой. За столько лет, кажется, я растеряла и папины, и мамины заветы. Мать всегда, если хотела добиться цели, вела себя не то чтобы высокомерно, а как лиса. И вместе с этим она была невероятно красива!

— Да, это правда, — подтвердил Карл. — Ты тоже красива... Но красота у тебя — не матери.

— От нее я не унаследовала из внешности ничего. Возможно, немного характера. Я папина дочка.

— Ничего не потеряла. Ты очень привлекательная, и даже больше...

— Спасибо, но я себя не считаю первой красавицей.

— Зря. Твои родители очень хорошо смотрелись вместе. Бесподобная графиня Брустер—старшая...

— А кто младшая? — перебила я его.

— Как — кто? Ты!

«Графиня Брустер—младшая»... Звучало как обещание. На миг я почти почувствовала себя прежней. Пока не вспомнила: «старших» больше нет.

— Извини, я тебя перебила, продолжай.

— Так вот. Бесподобная графиня Брустер—старшая и красавец граф, когда появлялись вместе, будь то королевский бал или выезд, выглядели как небесная пара. Помнишь, их так называли?

— Нет. Но прозвище они заслужили по праву.

— А как они познакомились?

— О! Это было прекрасно...

— Карл!

Карл, видимо, хорошо знал эту миловидную девушку, перебившую меня. Встал и поцеловал ее в щеку. На вид ей было лет шестнадцать, и на меня она внимания не обратила. Я тоже не показала вежливости: даже не встала, а сидела, как сидела, и ждала, пока меня представят.

— Познакомьтесь: Дженни Рекс, — сказал Карл, указывая на девушку. — А это Да...

Я вскочила и протянула Дженни руку:

— Элизабет. Я Элизабет Тейчер, — повторила я специально для Карла. — Приятно познакомиться.

— Да, — ответила Дженни, пожимая мне руку, — мне тоже приятно. Я тебя раньше здесь не видела?

«Видела, и не раз...» — подумала я.

— Элизабет приехала три дня назад, — ответил за меня Карл, — и поселилась у нас в доме.

— Отличный выбор, — Дженни улыбнулась так, будто одобряла покупку платья. — Как вам город, Элизабет?

— Потрясающе.

— А где ты раньше жила?

— Во второй столице, — коротко ответила я, не желая конкретизировать.

— Тоже большой город! Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Меня удивили эти расспросы, впрочем, как и сама девушка: такой быстрой речи я еще не слышала. Я вопросительно посмотрела на Карла. Он, чтобы отвести внимание Дженни от меня, спросил:

— Что ты тут делаешь?

Дженни запнулась, но ответила:

— Я... Я гуляла с Пэт, и мы решили найти вас и тоже пригласить, но чтобы быстрее собраться, мы разъединились. Было это примерно в... примерно... не помню, минут десять назад. Не так уж и долго, но достаточно. Пэт пошла за тобой на постоянный двор, к тебе, а я должна была идти за Томом и за Дэвидом, но встретила тебя. И теперь не знаю, как поступит Пэт. Хотя твоя мама, я думаю, должна передать ей, что ты ушел гулять, и она одна придет туда, где мы обычно собираемся. Представляешь, как удивится, когда я приду с тобой, с Томом, с Дэвидом и с Элизабет! Как она будет смеяться над таким недоразумением...

— Не сказал бы... — проговорил Карл.

Сколько времени вам потребуется, чтобы пересказать речь Дженни? Ее слова сливались в поток. И что самое интересное — ее слова воспринимались очень легко.

— Может, пойдем за Томом и Дэвидом? — предложила Дженни.

— Вы договорились встретиться там же, где обычно? — спросил Карл.

— Естественно!

— Ну что, пойдём? — обратился ко мне Карл.

— Тебе виднее. Я не знаю, как лучше.

— Дженни, давай сделаем так, — предложил Карл. — Ты сходи за ними, а я покажу Да... дорогу к нашему месту Элизабет.

— Конечно, я бы предпочла, чтобы ты пошел со мной, но раз ты так считаешь — наверное, будет лучше, наверное, даже быстрее, ведь Элизабет не знает дороги и может заблудиться. Я пойду?

— Да, — ответил Карл. — Конечно, иди.

— Я постараюсь как можно быстрее!

— Умоляю, ни с кем не разговаривай!

— Почему?

Карл запнулся. Сказать, что она невозможная болтушка, у него язык не поворачивался, и поэтому он придумал другую причину:

— Я за тебя переживаю. Нельзя разговаривать с незнакомцами.

— Как это мило, Карл! — воскликнула Дженни, а Карл тихо чертыхнулся. — Не волнуйся, я с ними и так не разговариваю. Вот, допустим, столкнувшись с тобой на улице, я бы поздоровалась, но, встретившись с Элизабет, я бы с ней не заговорила. Хотя сейчас — уже заговорила бы, раз ты нас познакомил, конечно. Она милая девушка, но была бы незнакомкой — я бы молчала. А теперь я ее знаю и могу разговаривать с ней. Но если посмотреть на это с другой стороны, ты можешь познакомить меня со всеми на свете, хотя такого не может быть. Но это не значит, что все не могут быть преступниками...

— Дженни! — не выдержал Карл. — Иди за Дэвидом и Томом.

— Ах да! Совсем забылась! Ты меня заболтал! Вот чем ты мне всегда нравился, так тем, что с тобой есть о чем поговорить. Все, ухожу, но скоро встретимся!

Она ушла. Я посмотрела на Карла: он улыбался Дженни вслед. Потом перевел взгляд на меня и спросил:

— Ну разве она не прелесть?

Конечно, многим покажется, что такой человек, как Дженни, должен всех раздражать, но это не так. В ней есть что-то очень привлекательное. Может, сыграла роль моя любовь к детям: Дженни, несмотря на возраст, была совсем как ребенок.

— Да, она милая. Но если вся твоя компания...

— Нет—нет, ты не представляешь, насколько мы разные.

Карл махнул рукой, предлагая выйти на тропинку.

— Теперь ты меня пугаешь. Это что, секта или тайный кружок?

Карл ухмыльнулся и подал мне руку, помогая переступить неровность на дороге. Его забота так мила. За мной никто раньше не ухаживал. Помочь девушке переступить яму — так просто, но Карл делал это особо нежно и в свое удовольствие. Ему нравилось быть деликатным и внимательным. Не могу скрыть, что Карл со многими девушками был заботлив: миссис Норрис — прекрасная мать и правильно воспитала сына. Но, возможно, мне просто хотелось, чтобы ко мне Карл относился с особым вниманием. А может, так оно и было.

— Нет, — ответил он. — Просто как братья. Мы невероятно разные, может, именно поэтому сдружились.

— Тогда расскажи мне вкратце о характере каждого. Какие они, твои друзья?

— Ну, про Тома, нашего поэта, ты уже слышала. Есть Дэвид — гений, мудрец и бунтарь. Есть Пэт — веселая девчонка. Есть Дженни... тут все понятно. Есть Карл — безумно красивый и неподражаемый джентльмен!

— Никогда не думала, что «безумно красивый» — это характер.

Карл притворился, что смеется.

— Молодец, все же задела! А если серьезно, то он наглый нахал, к тому же урод.

— Нет, — отрезала я. — Это преувеличение!

Беседуя, мы перешли на другую сторону парка, более безлюдную. Спустились к красивому озеру. На горизонте виднелись небольшие холмы, над которыми клубились облака. По берегам росли плакучие ивы и дубы. Они создавали предлесок, который незаметно переходил в лесок.

Вскоре мы подошли к дереву. Ствол раскололся на две половины от удара молнии, обугленный излом тянулся к воде, словно застывшая трещина времени. Похоже на мою линию жизни.

Карл присел на второй обломок ствола, будто на скамью в собственном саду. А я не могла найти слов. С восхищением смотрела вокруг. Наверное, именно в таких местах писатели и черпают вдохновение, но сказать ничего не могут и поэтому излагают свои чувства на бумаге.

Ничто не нарушало гладь озера. Трудно поверить, что это вода. Я подошла поближе, потрогать ее. Холод обжег ладони, будто крапива. Я сидела на корточках, вглядываясь в прозрачную воду и смотря на свое отражение. Подняв глаза, я увидела одну из самых прекрасных, пусть низких, но все же гор. Зелень склонов отливала синевой в косых лучах солнца.

— Да, — сказал Карл, — прекрасный вид. Хотя бывает и лучше. Здесь совершенно потрясающие закаты и восходы, хотя я до сих пор не могу уловить разницу.

Карл продолжал говорить, я его слушала и понимала, но куда больше была захвачена прекрасным видом. Именно тогда мне захотелось взяться за чернила и что-нибудь написать. И я даже знаю, что: «Автобиография Даманы Брустер — младшей, или просто Элизабет Тейчер». Именно так и будет называться эта книга. Хотя... кто знает!

— Странно, их все нет, — Карл нахмурился. — Хотя с Дженни иначе и не бывает...

И все же интересно, почему газетчики оставили нас в покое, когда мы переехали? Слух о нашей с мамой «смерти»... Кто его пустил? Зачем? Вопросы царапали изнутри, как сухие ветки этого мертвого дерева. Мучительные вопросы, наверное, еще долго не покинут меня...

— Только я надеюсь, это останется между нами? — спросил Карл. — Да... Элизабет! Ау!

— А? — откликнулась я.

— Ты меня слышала?

— Что именно?

— Неважно, — вздохнув, он махнул рукой. — О чем ты вообще думаешь?

— Все о том же, — ответила я, присаживаясь рядом с Карлом.

— О семье.

— Да.

Дерево под ладонью было гладким, почти отполированным. Так и манило оставить след — хоть царапину, хоть имя... Да, далось мне это трупное дерево!

— Вы что, живете на этом дереве?

На лице Карла засияла необычайно приятная улыбка. Он ответил:

— Да, на нем очень удобно сидеть. Конечно, мы с него слезаем. Просто обычно заранее договариваемся о встрече тут, а когда все соберутся, идем гулять, но поздним вечером, часов с десяти, мы сидим тут и разводим костер. Травим байки до хрипоты, Дэвид перебирает струны лютни, а Том и Пэт подхватывают песни. Они хорошо поют. Том тоже играет и на лютне и даже на гитаре. Порой так даже встречаем рассвет.

— Здорово!

— Романтично.

На это я ничего не ответила. Взгляд упал на гладкую кору дерева — и вдруг вспомнились часы у фортепиано. С четырех до восьми меня учили играть, но отец запретил лютню: «Не

женский инструмент». Теперь эти годы казались призрачными, как отзвуки забытых мелодий! Восемь лет жизни просто насмарку!

— Сколько сейчас времени? — спросила я. — Что-то есть хочется.

— Полчетвертого, — ответил Карл, вытаскивая из-за пазухи часы. — От отца достались, — пояснил он, протягивая их мне. — Перед смертью отдал.

Я была тронута, что он доверил это мне:

— Хорошо сохранились.

Замочек тихо щелкнул, и крышка подалась. Внутри, на одной стороне, мерцал циферблат, на другой — портрет мужчины, вероятно, мистера Норриса.

— Ты больше похож на миссис Норрис, но что-то есть и от отца.

— Все так говорят, — сказал Карл, забирая часы. — А сестра так на него походила! Почему Бог ее забрал, она же была такой маленькой...

— В мире вообще очень мало справедливого. — Я склонила голову и прикусила губу. — Меня он тоже убил, правда, наполовину, зато как следует произдевался.

Я всмотрелась в глаза Карла. Карл глядел на меня. Наступило молчание. Печальное, неприятное молчание. Без Карла тишина раздавила бы меня. С ним она была просто грустной. Нет, я не влюбилась! Просто впервые встретила человека с такими глазами, которому могу раскрыть душу. Будто прежде ничего и не видела. Говорят, женской дружбы не бывает, но что делать, если в моей жизни не было ни одного друга: ни парня, ни девушки? В прошлом у меня был только один лучший друг — названный сын моего крестного. А остальных сложно назвать этим гордым словом.

Послышались чьи-то голоса. Со склона к озеру спускались четыре человека: два парня и две девушки. Я узнала среди них Дженни. Они смеялись, веселились, парни дурачились. Когда они вышли на тропинку, Карл сказал: «Вот они». Эти слова были наполнены теплом и любовью. Карл улыбнулся и слез с дерева, чтобы поприветствовать друзей. Я сделала то же самое. Начались разговоры, Карл пожал руки парням и поцеловал в щеку незнакомую мне девушку.

— Привет, — поздоровался с Карлом парень-блондин.

— Привет.

— Как дела? — спросил второй парень.

— Отлично, ты как?

— Так же, а может, даже лучше! Ну, представишь нас?

— С необычайной радостью, — ответил Карл. — Познакомьтесь, — сказал он всем нам. — Дэвид Профт, — указал на высокого и мощного парня. — Том Холл, — это оказался блондин. — Дженни Рекс — вы уже знакомы. И, конечно, Пэт Уэйс, — кивнул в сторону девчонки с каштановыми волосами. — А эта девушка недавно поселилась у нас в общежитии, ее зовут... зовут...

Похоже, Карл забыл мой псевдоним и сделал вид, будто хочет, чтобы они сами угадали.

— Хватит, Карл, не тяни, — попросил Том.

— Ее зовут...

— Элизабет! — не выдержала Дженни.

— Точно! — вспомнил Карл.

— Приятно познакомиться, — сказал Дэвид.

— Привет, — тихо проговорила Пэт, усаживаясь на дереве.

— Для меня честь познакомиться, — Том слегка поклонился, но взгляд его оставался изучающим.

— Том, ты что, уже влюбился? — спросил Дэвид шутливо, на что-то намекая.

— Брат, — сказал Карл, обняв его за плечи, — что-то ты быстро...

— А, он может, — добавила Пэт.

— Все вы одинаковы, — недовольно проговорил Том. — Я просто наслаждаюсь женской красотой.

— Да ладно, — сказала Пэт, — мы понимаем. Мы же друзья.

Эта фраза явно была с подоплекой, но тайный смысл ее я узнала позже.

— И ты за них?! Куда идти, где спастись?

К этому моменту все уже сидели на дереве, судя по всему, каждый на своем месте. Места на дереве не нашлось, но я не расстроилась. Поваленный ствол образовывал полукруг, а вдоль него стояли скамейки — будто сцена для нашего знакомства. Земля в центре была черной; по всей видимости, здесь постоянно разводили костер.

— Расскажи нам о себе, — предложил Дэвид.

— Опять?! — с отчаянием вырвалось у меня. — Сколько я уже о себе рассказывала...

— Но не нам? — вкрадчиво спросила Пэт.

— Это правда, такого вы бы не забыли.

Пэт говорила с легкой насмешкой, и что-то во мне сжалось. Но я лишь кивнула — не время показывать раздражение.

— Тем более, — сказал Том нежным голосом, — чувствуется, у тебя есть интересная история. Расскажи о себе, а мы расскажем о себе. Я чувствую, что нам надо познакомиться ближе...

— Я, кстати, немного о ней знаю! — вспомнила Дженни. — Могу рассказать!

Выражения лиц у друзей поменялись, будто они услышали свой смертный приговор. Они сразу смекнули, что срочно надо что-то делать.

— Когда мы с Пэт пошли за вами, — начала Дженни...

— Нет! — крикнули все хором.

Дженни не смогла продолжить. Она немного обиделась, и Карл решил выкрутиться:

— Понимаешь, гораздо интереснее будет, если Да... Элизабет сама расскажет свою историю. Понимаешь?

— Хорошо.

Я поняла, что мне не отвертеться. Тем более что все молча умоляли меня спасти их от трешотки Дженни.

— Меня зовут Элизабет Тейчер. И я рада с вами познакомиться, много о вас слышала.

Я начала привычно врать. Все друзья внимательно и серьезно меня слушали, конечно, не считая Карла: один он сидел, едва заметно усмехаясь. Я закончила рассказ. В мою сторону посыпались похвалы. Любопытно, что бы случилось, расскажи я правду? Что я случайно убила охранника? Что сбежала из приюта? Вдобавок ко всему — что я графиня? Вот это действительно история, достойная рассказа! Какой сюжет!

Компания оказалась чудесная. Они смеялись над одними шутками, перебивали друг друга, но слушали. В их жестах читалась привычка — как у семьи, где каждый знает, кто что скажет в следующий миг. Благодаря их дружелюбию или моей разговорчивости, которая прорезалась впервые с момента смерти отца, я быстро нашла с ними общий язык.

Расскажу немного о каждом.

Главным в компании был Дэвид. Карл — словно его заместитель. А Том не мог, да и не хотел быть лидером. Дженни — веселый клоун, который всех умилял. А Пэт — безудержная девчонка, которая меня частенько раздражала. Однако по многим причинам она была в этой компании.

Дэвиду двадцать один год. Он высокий парень, добрый, веселый и верный, а еще — очень красивый и сильный. У него прямые русые волосы, серые глаза, родинка над правой бровью. Девушки на Дэвиде так и висли. Частенько дрался: даже остались шрамы над левой бровью и верхней губой. Но шрамы украшают мужчину. Со временем мы очень сблизились, стали лучшими друзьями. Из всех моих знакомых Дэвида я уважала больше всех остальных. У нас

ни разу не возникало романтической тяги, и это помогло нам стать настолько близкими. Дэвид из тех, кто никогда не оставит друга в беде. Всегда защитит, поможет, подскажет.

Дженни семнадцать лет, она среднего роста, немного худенькая, невероятно привлекательная брюнетка с каре-зелеными глазами. Очень милая и дружелюбная, похожа на взрослого ребенка. Невероятная болтушка — но никогда не выдавала тайн. Привлекала многих парней, но те постоянно сбегали от нее. Дженни, влюбленная в Дэвида, пыталась скрывать это, но неумело. Тот не мог ответить взаимностью, потому что относился к ней, как к младшей сестре.

Пэт тогда было восемнадцать. Она полная противоположность Дженни. Красивое тело, каштановые волосы, зеленые глаза — красавица. Парни вокруг нее так и вились. Но на серьезные отношения непостоянная и беспринципная Пэт неспособна. Обманула даже Карла. Нехороший человек. Меня она сразу невзлюбила, потому что увидела во мне соперницу. Но Пэт была верна своим друзьям, и без нее эта компания стала бы другой. Она словно оппозиция — мнение с другой стороны. Строптивая Пэт очень часто блистала мудрыми мыслями, к которым прислушивались. Ну или хотя бы отталкивались.

Тому двадцать лет. Он блондин с синими глазами и правильными чертами лица. О таком мечтает почти каждая девушка. Том, настоящий ловелас, любил поиграть чужими чувствами. Перед его обаянием немногие могли устоять. Но сам влюбиться боялся, а когда это происходило, совершенно терял покой и страдал. Том — отличный поэт, писатель, рассказчик, часто посвящал стихи любимым девушкам, писал песни и исполнял их.

Карл — мой лучший друг, а может, даже что-то большее. У него есть все качества, необходимые другу, любовнику, приятелю, врагу, идеальному человеку, и парочка недостатков.

Стать частью их круга было как шагнуть в теплый дом — неожиданно и желанно. Весь день мы сидели и просто болтали. Когда начало вечереть, Карл вспомнил, что ему завтра на работу:

— Ладно, я пойду. Элизабет, ты со мной или посидишь еще?

— Дороги до постоянного двора я сама не найду, так что — с тобой.

Дэвид оскорбился:

— Думаешь, мы тебя не проводим?

— Я бы с радостью осталась, но сегодня был такой тяжелый день, что я просто валюсь с ног.

Я кое-как поднялась и посмотрела Карлу в глаза. Он усмехнулся. Почему? До сих пор не знаю.

— Мы пошли, — сказал Карл, — спокойной ночи. Счастливо оставаться.

— До свидания.

— До свидания, — сказала я, — рада познакомиться.

— Да, мы тоже!

— Ты мне начала нравиться, — добавил Том, как будто это в порядке вещей.

— Спасибо, — ответила я, — ты тоже очень мил.

Либо я дикарка, либо Том втянул меня в смущение.

Весенняя ночь была на удивление теплой и тихой. Все горожане давно легли спать, только немногие, как мы с Карлом, продолжали прогуливаться под чистым звездным небом. Мы шли дворами, шли молча, почти не разговаривая, но весь путь я чувствовала, что Норриса разрывает от вопросов и мыслей. Какое-то время я молчала, но когда мы вышли на главную улицу, я легко улыбнулась и сказала:

— О чем ты хочешь у меня спросить?

Карл посмотрел на меня. Его взгляд окутал меня теплом. Как же волшебен был тот момент, мгновение взгляда! Он тоже улыбнулся и не стал прикидываться, что я ошибаюсь:

— Из-за работы я иногда проезжаю в краях твоего графства. Оно почти безлюдно... Почему?

Мне был приятен этот вопрос, поэтому я с удовольствием и ностальгией отвечала на него:

— Мой титул старше, чем многие дома в этом городе. Семейное древо ведется века с тринадцатого... Но достопочтенными предками мы долго не обладали. Когда папа умер, я была совсем маленькой, а мое глубокое погружение в историю фамилии планировалось на момент, когда я стану постарше. Поэтому не могу рассказать тебе всего, как и почему оно сложилось. В памяти остались осколки, которые я собирала в единую картину в приюте... Но этого мало. Я даже не знаю, было ли графство больше или меньше. Но кое-что знаю точно: мой прадед сделал мой титул уважаемым. Наше графство достаточно большое, но нам очень не повезло, что земли практически не плодоносят. И поэтому там проживает так мало семей. Основная их деятельность: литейное производство да красильное дело... Прадед с малых лет уважал металл и мечтал о драгоценностях. Можно сказать у него удачно получилось все это совместить. Хотел быть богатым и уважаемым пэром!

Я смущенно улыбнулась. Карл не просто ответил — его взгляд потеплел, а в уголках глаз собрались лучики морщинок. Норрис не перебивал. Он слушал так, будто каждое мое слово было ключом к разгадке чего-то важного.

— Прадед обладал чутьем: он превратил наш почти пустой титул в нечто весомое. Он понял, что на этой земле не заработать и даже не прокормиться. Но осознал очевидное преимущество — близость к центральному городу. Познакомился с влиятельными лордами и начал сдавать им в аренду землю под их нужды. Заработал денег, немного авторитета. И как-то он добился того, что само королевство стало арендовать земли нашего графства под стрельбища и другие базы. Так как населения мало, а мы жили в самом начале границы, никто никому не мешал.

— А у вас была просто земля? Без болот?.. Рек?

— Река есть. Болота, наверное, тоже. Но в основном равнины и лес. Таким образом, прадед завел влиятельных друзей, и деньги в семью пошли потоком. Даже делать ничего не приходилось. Папа передавал мне слова деда, что именно это — безделье — и повлияло на решение прадеда заняться ювелирным делом. Так все и произошло. По крайней мере, то, что я знаю.

— Это потрясающе, — сдержанно восхищался Карл.

— Да, — согласилась я. — Но хочется узнать больше.

— Узнаешь! И продолжишь семейное древо.

Я благодарно посмотрела на Карла. Нам было что сказать друг другу еще, но мы довольно сильно устали, нас клонило в сон. И не хотели нарушать ночную тишину. Я радовалась, что иду с Карлом, и готова была идти и идти, пока не умру от упадка сил, но лишь бы с ним.

Общежитие возникло перед нами. Я поймала себя на двойственном чувстве: облегчение от скорой постели и досада — скоро придется расстаться с Карлом.

— Ну вот, мы пришли, — сказал он.

— Почему столько скорби?

— Да так, ничего.

Мы прошли мимо стойки, и Карл направился дальше, к лестнице.

— Ты проводишь меня до третьего этажа?

— Я провожу тебя до твоей комнаты.

Приятно услышать. Но зачем ему это?

— Так ты идешь? — спросил Карл, указывая на лестницу.

Я ничего не ответила. Проходя мимо Карла, я стрельнула в него глазками. Никогда не флиртовала, разве что в детстве. Но тогда это была игра, а теперь она стала удовольствием.

Комнату, видимо, заперла миссис Норрис. Я открыла замок и вошла.

— Я бы пригласила тебя войти, — я запнулась, — но, кажется, это неуместно. Да и предложить мне нечего.

— Если бы ты меня пригласила, ничего не предлагая, я бы все равно зашел.

— Тогда милости прошу!

— Я бы с радостью, но не могу. Мне вставать через шесть часов. Работа.

— И сколько работать?

— До одиннадцати вечера.

— Кошмар!

— Привык, — Карл пожал плечами. — Уже не замечаю.

Я понимающе кивнула. Карл несколько смущенно напомнил:

— Собери мне вещи, те, что... ну, ты понимаешь.

Я охнула. Совсем забыла о договоренности. Быстро собрала сверток. Дверь не закрывала, но Норрис все равно стоял на пороге, не позволяя себе лишнего. Я передала ему вещи и все же поинтересовалась:

— Что ты с ним сделаешь?

— Сожгу, — уверенно ответил Карл. — Не бери в голову, Дамана. Пойду я спать, — сказал Карл, нежно смотря на меня. — Сегодня был отличный день. Спасибо тебе.

— Тебе смешно, а я уже думала о самоубийстве!

— Ты что, с ума сошла? — Карл повысил голос. — Даже не смей шутить так! Подумай о тех, кто тебя любит.

— Не надо кричать! Таких людей нет.

— Я бы так не сказал.

Я посмотрела на него с обидой.

— Прости, Дамана, — извинился он ласково, — не знаю, что на меня нашло. Но целая страна, не зная о тебе, тебя любит. Я уж не говорю о тех, кто тебя знает.

— Спасибо. Спасибо за все. За помощь и поддержку. Тебе и миссис Норрис я безгранично признательна. И с радостью отплачу вам добром!

— Для нас это честь. Ты потрясающий человек.

Карл поклонился.

— Позвольте, — взял мою руку и поцеловал ее. — Спокойной ночи, миледи Брустер, прекраснейших Вам снов.

— Спокойной ночи, Карл Норрис. Но сон будет прекрасным, если в нем я увижу Вас.

— Безгранично лестно слышать подобные слова от Вас, достопочтенная графиня...

Мы улыбнулись. Карл отошел чуть назад и помахал мне рукой, я ответила тем же и медленно закрыла дверь. Да! Таких людей, как Карл, я еще не встречала и вряд ли встречу. Эта инсценировка разговора людей из высшего света меня очень умилила.

У зеркала я несколько раз провела рукой по обновленным волосам и улыбнулась. Все-таки волосы у меня отцовские. Сняла с полки портрет семьи, пару минут рассматривала отца и мать. К усталости прибавилась еще и грусть. Ноги стали тяжелыми, будто каменными. Легла на кровать — и моментально забылась. Никогда так быстро не засыпала. Слава богу, что я заранее задумала свечи.

Считаю нужным подробнее описать постоялый двор. На первом этаже находились прихожая со стойкой, прачечная, гостиная, совмещенная со столовой, кухня и спальни Норрисов, библиотека. На втором и третьем этажах квартирки, рассчитанные на одного, двоих или троих постояльцев, располагались симметрично. На каждом этаже была общая кухня.

Моя комната оказалась больше, чем спальни в квартирах, потому что предназначалась и для обедов. Она мне нравилась больше всего.

Миссис Норрис сдавала номера не только для постоянного жительства, но и тем, кто останавливался на время. Каждый номер был обозначен счастливым или знаковым числом. Мой, например, 33 — возраст Христа. В тот момент цифры казались мне пустым звуком.

31 марта 1770 года. Вторник

Просыпаться по трели птиц и теплое касание солнца на щеке — редкое счастье после стольких темных дней! Странно: столько времени прошло, а я помню почти каждое утро, день, вечер и ночь в этом доме.

Я нежилась в кровати и размышляла о жизни. В ней было всякое: смерть, радость, грусть, верность, предательство, любовь и ненависть. Я получила важный урок: любой может добиться, чего хочет. И главное — не выдержка, а принципы, гордость и расчетливость.

Я помню, когда отец умирал, он был уже почти на последнем издыхании и сказал, чтобы меня провели к нему, и попросил всех выйти. В комнате остались мы вдвоем. Оспа очень заразна, поэтому мне запретили приближаться к отцу. Я стояла на расстоянии трех-четырех метров и боролась с желанием побежать к папе и обнять его! Меня останавливал только разум, а еще — мамин и отцовский запрет... Да и, чего кривить душой... Я не брезговала им, но боялась, ведь над папой висел дух смерти. Лицо отца скрывала марлевая вуаль, руки — перчатки. Он открыл глаза и, когда увидел меня, улыбнулся:

— Здравствуй, ангел!

— Папочка, я не хочу, чтобы ты умирал! — проговорила я, обливаясь слезами.

— Я буду стараться ради тебя и ради твоей мамы. Я очень люблю тебя, ангел мой.

— Я тоже тебя люблю!

— Запомни, ты моя дочь, и ты продолжишь наш род. Именно ты займешь мое место, и никто другой!

Голос отца был очень слабым и сиплым. Видно было, что он с огромной болью произносит слова, которые я запомню навсегда. Я смотрела на папу и хотела отдать жизнь за него. Слезы из моих глаз лились рекою, мне не хотелось жить, и я никак не хотела сживаться со смертью:

— Папа, я сама не смогу, одна я не справлюсь, ты мне нужен, не уходи от меня!!! Я хочу, чтобы ты увидел меня в красивом платье, как у мамы, на балу. И чтобы ты увидел ответные реверансы!

— Что бы со мной ни случилось — знай, я всегда буду тебя видеть и тобой гордиться.

Отец закашлялся — хрипло, надрывно. Его лицо стало пепельно-серым.

— Отец, мне страшно, я боюсь!

— Нет, не смей бояться, ты должна быть сильной и справедливой. Я так жалею, что не увижу тебя взрослой, но я уже бесконечно горд тобой! Ты так юна, но так умна! Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала!

— Что? Я все сделаю!

— Верь тем, кому верю я! И никогда... никогда не забывай, кто ты!

— Обещаю.

— И запомни: ты должна всегда быть сильной духовно... морально...

— Но как?!

— Духовная борьба... Надо любить жизнь, а не ее смысл... Доведи до конца... начатое мною... Люблю тебя...

Отец глубоко вдохнул и из последних сил крикнул:

— Милли!..

Именно тогда я поняла, что больше не смогу упасть в объятия отца! Я почувствовала его боль... Мне показалось, что моя душа сейчас вылетит из тела. Пусть слезы ослепили меня, но все же я рванулась к постели умирающего отца... Но в комнату влетела мама, две гувернантки, дворецкий и несколько верных коллег отца. Может быть, даже король — мне кажется, я его

видела. Мне не дали сказать папе «прощай». Один из мужчин схватил меня и на руках вынес из комнаты. Мучительная боль и страх криком вырывались из меня.

— Уведите дочь... — проговорил папа.

Но я хотела остаться, поэтому вырывалась и кричала. А мужчина, который меня вынес из комнаты, в коридоре прижал меня к груди... На эти объятия я ответила, не переставая плакать.

Восемь лет назад отец умер. И сейчас я надеюсь, что оправдала его надежды и не нарушила данное ему обещание. Я хорошо усвоила последний урок отца: борьба — естественный путь к силе. И вот я борюсь всю жизнь и даже после смерти.

Я вспомнила о смерти отца прекрасным утром, лежа в уютной кровати. Расстроилась? Да. Но я набралась воинственности и приготовилась к любым поворотам судьбы. Хотя этот день оказался спокойным.

Спустившись на первый этаж, я услышала голоса. В гостиной я увидела всех детей, Чарли, миссис Норрис и Колин Ричардс.

— С добрым утром, Элизабет! — сказала всевидящая миссис Норрис. — Как ты долго спишь. Хотя, наверное, имеешь право...

Дети заметили меня и хором поздоровались. Их внимание ко мне было велико, чего нельзя сказать о миссис Ричардс. Джон, Сэмми, Лиза и Милли сразу же подошли ближе и стали предлагать, чем сегодня заняться. Идеи были многообразные и красочные. Я немного поболтала с детьми. Они были такие милые и так радовались жизни. Уходить от них казалось тяжким грехом. Только не подумайте — это не самодовольство. В приюте не было людей, которые меня любили... Я изголодалась по этому чувству, когда кому-то нужна! Но отлучиться пришлось, я хотела поговорить с загадочной миссис Ричардс.

Я тихо подошла к ней. Миссис Ричардс — тощая, морщинистая, одетая в длинную строгую юбку, серую блузку; плечи покрыты черным платком. Почти полностью седые волосы собраны в пучок. Глаза голубоватые, скорее бесцветные. Выражение острого лица строгое, пронзительное, мудрое. Наверняка она много читала: в руках — газета, на столике рядом — пара книг, на переносице — маленькие кругленькие очки. Мое внимание привлекли проколотые уши с большими и броскими серьгами.

— Добрый день, миссис Норрис, — поздоровалась я. — Здравствуйте, миссис Ричардс.

Та ничего не ответила. Ее взгляд скользнул по мне — короткий, острый — и тут же вернулся к газете, приподняв тонкую бровь. В этом молчании было что-то большее, чем равнодушие. Я вопросительно взглянула на миссис Норрис. Она лишь вздохнула и слегка развела ладони — жест, в котором читалось: «Привыкай».

— Ну что, — сказала она, — пойдем перекусим?

Я кивнула в ответ.

— Очень интересная она, — сказала я в столовой у миссис Норрис, доедая завтрак.

— Миссис Ричардс? Мне тоже она симпатична. Все ей признательны за то, что она следит за детьми, но все ее недолюбливают.

— Почему?

— Она замкнута, не разговаривает ни с кем, кроме разве что меня и Карла. А если и говорит, то колкости и замечания.

— Наверное, миссис Тайлер и миссис Ричардс враждуют между собой?

— Не то слово! Тут однажды такое было! Они ненавидят друг друга. Но Ричардс любит детей, поэтому и сидит с ними.

— Интересно... Что с ней произошло? Почему она такая?

— Кто знает! Со мной она иногда заговаривает, и то я боюсь спросить.

— Надо разгадать этот холодный фасад...

— Даже не думай. Хочешь совет? Не говори с ней и вообще избегай ее. От греха подальше.

— Нет, пожалуй, надо втереться в доверие. Она спрашивала обо мне?

— Да. Я рассказала ей кое-что. Ты новенькая, зовут тебя Элизабет. Больше она ничего не знает. И прошу, не говори с ней, будут одни лишь неприятности.

— Я все же попробую.

— Дело твое. Но заметь, я тебя предупреждала, Дамана.

— Хорошо. Спасибо за завтрак, очень вкусно.

Я помогла убрать со стола и помыть посуду. Это я делала не впервые. Опять спасибо проклятому приюту! Я сжала край тарелки — и на миг почувствовала запах сырых стен и скрип половиц.

Я отправилась в общую гостиную. Миссис Ричардс сидела в той же позе и читала ту же газету.

Где-то часик я играла с детьми. Нередко ловила взгляд миссис Ричардс, но как только я оглядывалась, она тут же отворачивалась. Когда я устала возиться с детьми, я научила их одной игре и оставила с Чарли. Взяла в своей комнате книгу и вернулась в гостиную. Села в кресло почти напротив миссис Ричардс и, как она, погрузилась в чтение.

Книга Джона Локка оказалась не такой интересной, и дело даже не в отвлекающих веселых криках детей.

Так прошел час, я одолела часть книги и даже забыла про миссис Ричардс, про детей — в общем, про всех остальных.

— Что читаешь? — ко мне подошла миссис Норрис.

— «Два трактата о правлении».

— А, — миссис Норрис усмехнулась. — Миссис Тайлер назвала бы это вульгарщиной. Ну как, захватывает?

— На любителя, — скрыла я свою неготовность к такой тяжеловесности. — Вы читали?

— Нет. Это интересовало мужа.

— Когда-нибудь я доберусь до классики. Шекспир прекрасен.

— Что ты читала из Шекспира?

— Но самое любимое — «Мера за меру»!

— Все это есть в библиотеке. Очень хорошие рассказы.

— Пьесы, — раздался очень красивый голос миссис Ричардс.

— Простите? — спросила миссис Норрис.

— Все, что перечислила девочка, — это пьесы.

Впервые за два часа миссис Ричардс хоть что-то проговорила и оторвалась от газеты. Я обрадовалась. Тем более что голос у нее очень неплохой. В ее манере разговора есть что-то необычное, красивое и загадочное.

— Неужели молодежь интересуется классикой? — спросила миссис Ричардс.

— Смотря какая, — ответила я.

— А вы у нас особенная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.